
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

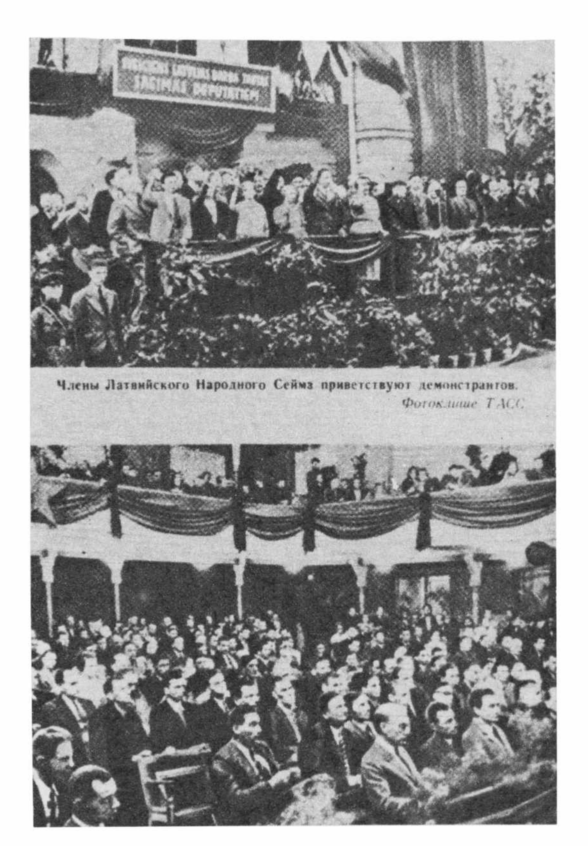
Кем он станет—моряком или путешественником?

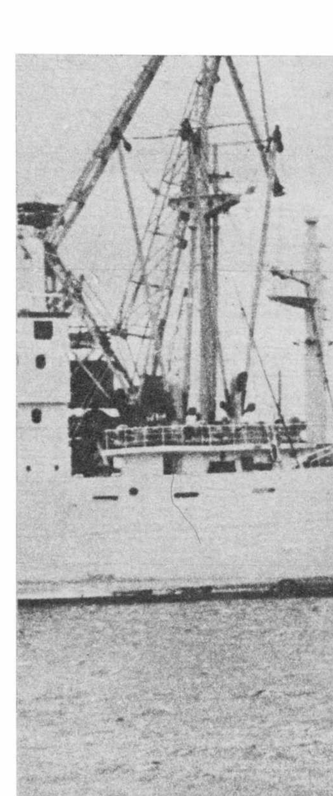
СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

1940 ГОД... Июль, август... Советская печать рассказывает об исторических переменах в судьбах народов Латвии, Эстонии, Литвы. Фоторепортаж в 23-м номере журнала «Огонек» так и назывался — «Исторические дни...». Вот два фотокадра с той полосы: заседание Латвийского Народного сейма, где была принята Декларация об установлении Советской власти и решено было обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии Советской Латвии в Союз ССР; и трибуна, с которой члены сейма приветствовали демонстрацию трудящихся, вышедших на улицы Риги, чтобы сказать свое слово: «Да здравствует Советская Латвия!»

Корреспондент «Огонька» показал эти старые фотографии первому секретарю ЦК КП Латвии Августу Эдуардовичу Воссу и попросил его в связи с этим ответить на ряд вопросов.

Члены Латвийского Народного Сейма приветствуют демонстрантов.
Фотоклише ТАСС.

ОКРЫЛЕННЫ

А. Э. ВОСС,
первый секретарь ЦК КП Латвии

ВОПРОС. Почти тридцать два года назад Латвия вошла в семью Союза ССР. Как с помощью братских республик изменилась с тех пор ее жизнь?

ОТВЕТ. Я позволю себе небольшое отступление от прямого ответа на ваш вопрос. Среди многих легенд о Даугаве — с ней всегда были связаны думы и чаяния латышского народа — есть легенда о замке Света, который чудом возникнет на берегах реки, когда народ возьмет власть в свои руки. Легенда стала былью. Где-то раздольная, где-то задумчивая Даугава подняла над своими водами чудесный замок Света, воздвигнутый руками народов-

Продолжение см. на стр. 5—7.

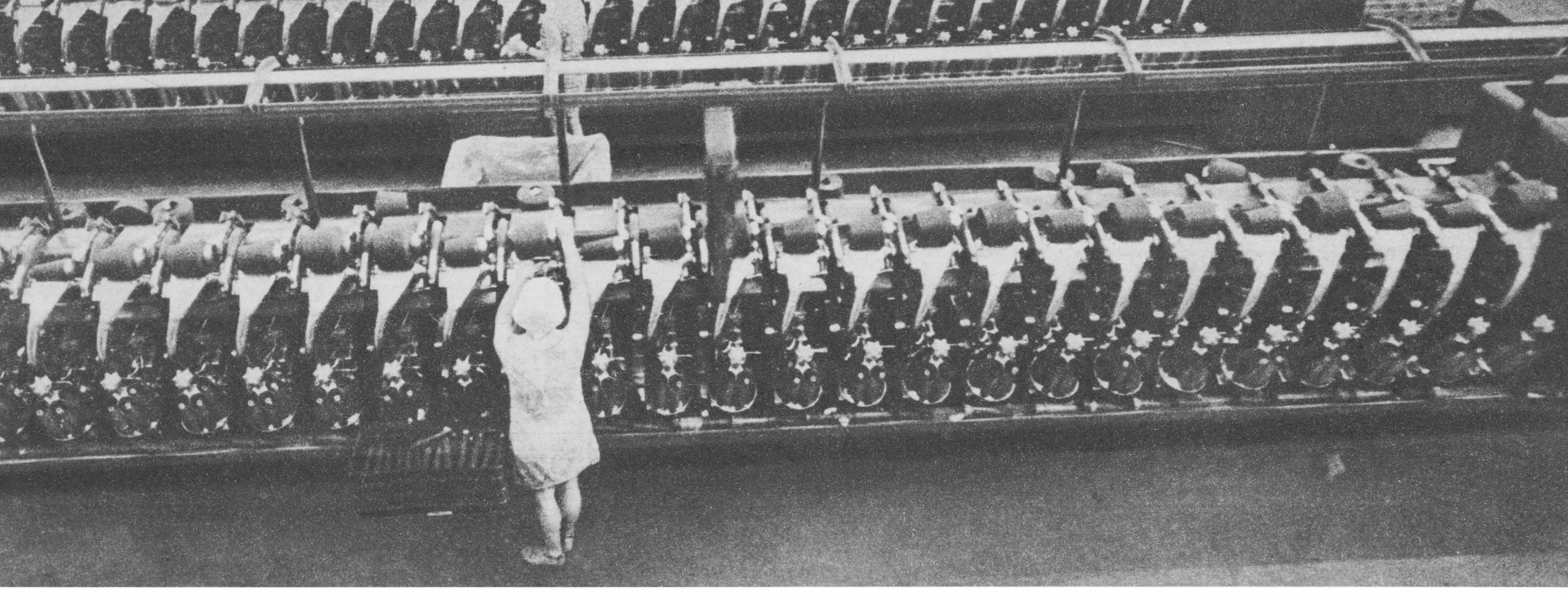
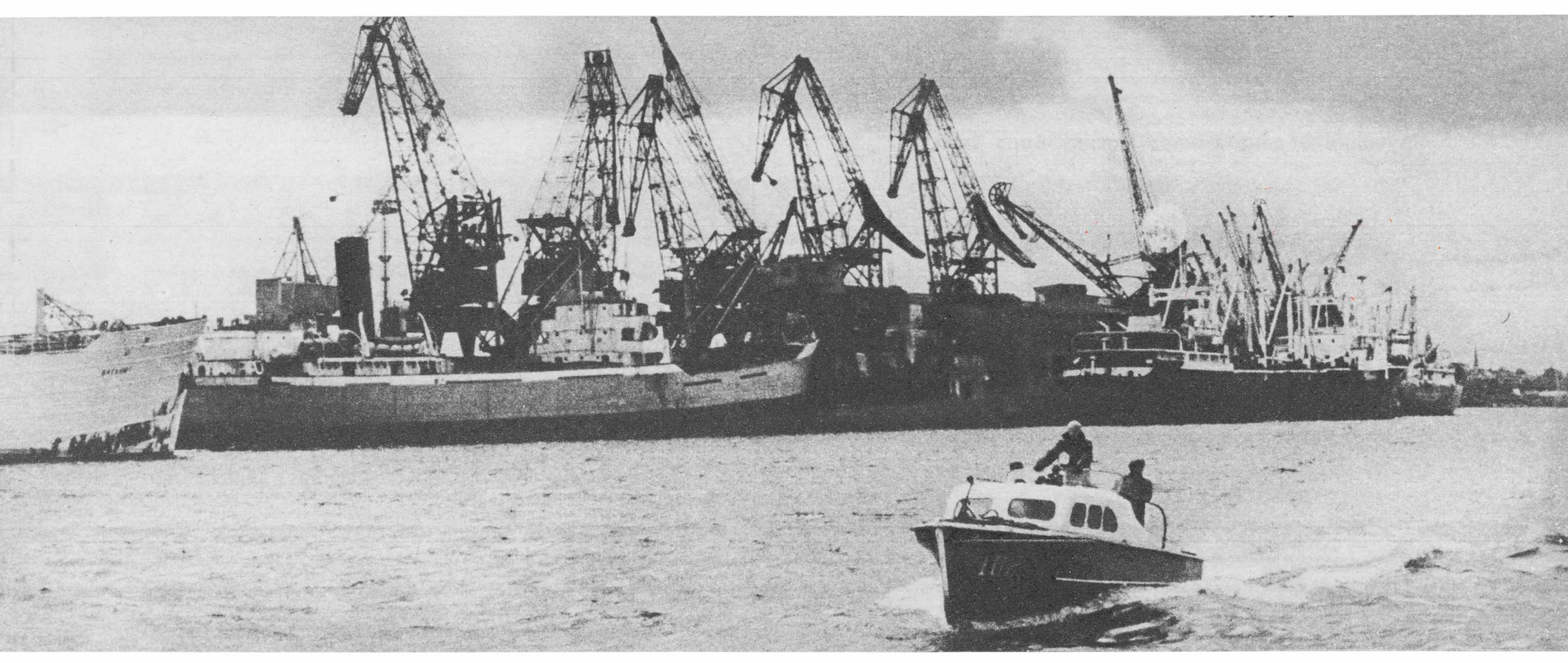

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Огрский трикотажный комбинат—одно из молодых предприятий Латвии.

В Рижском рыбном порту.

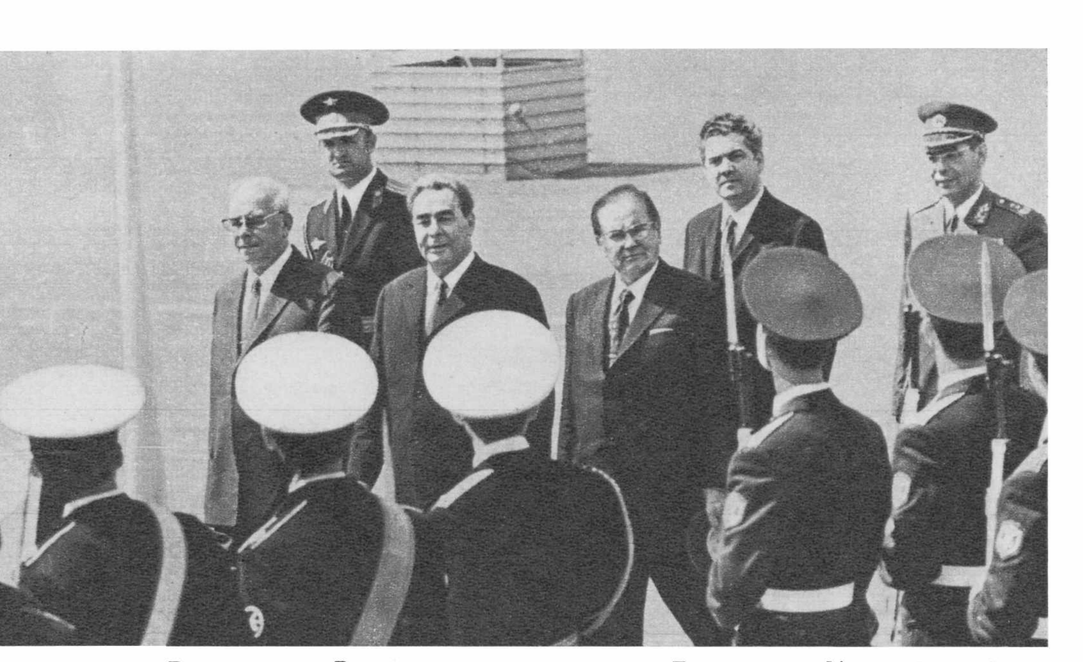
Е ДРУЖБОЙ ВЕЛИКОЙ

Приятно посидеть в красивом кафе при кинотеатре «Рига».

Вручение ордена Ленина Иосипу Броз Тито.

КУРС-СОТРУДНИЧЕ

Встреча на Внуковском аэродроме. Товарищи Иосип Броз Тито, Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный обходят строй почетного караула.

Президент СФРЮ, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито 6 июня посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок.

В Москву 5 июня по приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР с официальным дружественным визитом прибыл Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СФРЮ и СССР, Иосипа Броз Тито с супругой, сопровождающих его партийных и государственных деятелей тепло и сердечно встретили Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие официальные лица.

В тот же день в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил орден Ленина Президенту Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателю Союза коммунистов Югославии Иосипу Броз Тито.

Руководители Коммунистической партии и Советского правительства тепло поздравили товарища Иосипа Броз Тито с высокой наградой, пожелали ему здоровья и успехов в его большой плодотворной деятельности во главе Союза коммунистов Югославии и югославского государства.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца обед в честь Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии Иосипа Броз Тито и его супруги.

Во время обеда товарищи Л. И. Брежнев и Иосип Броз Тито обменялись речами.

«Мы уверены в том,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— что Ваш визит в Советский Союз хорошо послужит дальнейшему развитию советско-югославских отношений, на благо народов обеих наших стран, на благо дела мира и социализма».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24 (2345)

Основан 1 апреля 1923 года

10 ИЮНЯ 1972

Фото А. Гостева.

СТВО И ДРУЖБА

6 июня в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Президентом Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателем Союза коммунистов Югославии Иосипом Броз Тито.

В переговорах принимали участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие товарищи. С югославской стороны — секретарь Исполнительного бюро Президиума СКЮ Стане Доланц, член Президиума СКЮ Велько Влахович, член Президиума СФРЮ Драги Стаменкович, заместитель Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ Яков Сироткович, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ Мирко Тепавац и другие товарищи.

В ходе переговоров состоялся товарищеский обмен мнениями о дальнейшем развитии и углублении отношений дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и СКЮ, между СССР и СФРЮ. Были также рассмотрены актуальные вопросы международного положения и взаимного сотрудничества в интересах упрочения социализма, всеобщего мира и социального прогресса народов.

Переговоры проходили в атмосфере братской дружбы, полного взаимопонимания и сердечности.

Москва, Кремль, 6 июня. Советско-югославские переговоры.

Фото ТАСС.

ДОГОВОР МЕЖДУ СССР И ФРГ РАТИФИЦИРОВАН

В Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Его открыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

В заседании приняли участие Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР и члены Президиума Верховного Совета СССР, председатели палат Верховного Совета СССР, другие официальные лица.

Президиум рассмотрел вопрос «О ратификации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии».

На заседании Президиума Верховного Совета СССР выступили: председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие. Была единодушно выражена поддержка ратификации Договора.

Итоги обсуждения подвел Н. В. Подгорный, который зачитал текст Указа о ратификации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии. Члены Президиума Верховного Совета СССР единогласно приняли этот Указ.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР подписал Указ о ратификации Договора между СССР и ФРГ.

На снимке: Москва, Кремль. 31 мая 1972 года. Ратификация Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии.

Фото А. Пахомова.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Юрий КОРНИЛОВ

Недавно Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР рассмотрели сообщение Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева об итогах советско-американских переговоров на высшем уровне, всецело одобрили большую работу, проведенную на переговорах делегацией Советского Союза.

Да, последняя неделя мая войдет в историю человечества как одна из самых значительных вех современного развития международных отношений. Если бы существовал на свете барометр, определяющий политический климат планеты, можно не сомневаться, что сейчас его стрелка все увереннее показывала бы на «ясно»! Добрые вести идут с разных континентов. И из Европы, где крепнет, приобретает все новых горячих сторонников идея коллективной безопасности континента. И из Америки, где постепенно укрепляются силы, стремящиеся подходить к международным проблемам с позиций реализма, подчеркивающие преимущества мирных взаимовыгодных отношений с СССР. Весна нынешнего года повествует о победе сил мира над силами войны, о победе разума над безумием, реализма над попытками решать мировые дела путем воинственных авантюр.

Эта победа была нелегкой, она не пришла сама. Ее основы закладывались в Кремлевском Дворце съездов, где год с лишним назад проходил XXIV съезд КПСС, разработавший советскую внешнеполитическую Программу мира. Она выковывалась на широких дипломатических фронтах, где, по крылатому выражению зарубежной печати, развернулось «советское мирное наступление». Ее фундамент создавался руками миллионов советских людей, которые своим самоотверженным трудом укрепляют могущество Родины, повышают ее международный авторитет.

Советский Союз идет к поставленной цели прямой и ясной дорогой, указанной великим Лениным. Именно Ленин выдвинул и всесторонне обосновал принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, принцип, ставший ныне исключительно важным фактором всей мировой политики. Верная ленинским заветам, наша страна последовательно проводит в жизнь такой политический курс, в котором твердый отпор агрессивным поползновениям империализма сочетается с конструктивным подходом к назревшим международным проблемам, непримиримость в идеологической борьбе — с готовностью развивать взаимовыгодные отношения с государствами противоположной общественной системы. Благотворные результаты налицо: в соотношении сил на земном шаре произошли и происходят такие изменения, которые благоприятствуют силам мира и прогресса.

Среди международных проблем, волнующих человечество, нет, пожалуй, более важных, чем проблемы, связанные с обузданием гонки вооружений. Советский Союз всегда выступал за прекращение такой гонки, за разоружение вплоть до всеобщего и полного. Советско-американские соглашения, подписанные в Москве, должны способствовать ослаблению угрозы ядерной войны, сдерживанию гонки вооружений, которая создает угрозу военного конфликта и отвлекает от созидательных целей колоссальные материальные и интеллектуальные ресурсы. Символом нашей планеты второй половины XX века должны стать не воронки от бомб, разрушающих хижины и пагоды Вьетнама, а мирная панорама стройки, не хищный профиль смертоносных ракет, а силуэт мирного космического корабля.

Разумеется, за столом переговоров в Кремле шла речь не только о тех областях, где имеются перспективы развития более широкого сотрудничества СССР и США,— там в полный голос говорилось и о таких областях, где позиции сторон расходятся. Советская сторона подчеркнула, что солидарность Советского Союза с героической борьбой вьетнамского народа была и остается незыблемой.

Внешняя политика СССР — это ясная и глубоко принципиальная политика, мы ни на йоту не отступали и не отступим от позиций, диктуемых священными принципами пролетарского интернационализма, не уступим и пяди в идеологической борьбе.

Несомненно, такая линия на Западе не всем по душе. Но важно, примечательно другое: влиятельные круги в США, как, впрочем, и в других странах Запада, все больше отдают себе отчет в том, что в сегодняшнем мире спорные международные вопросы невозможно решить методами политики «с позиции силы», что эти вопросы могут и должны быть урегулированы путем переговоров на основе соблюдения принципов равенства и равной безопасности сторон.

«Единственный способ войти в Москву — это войти в нее с миром»,— сказал, выступая в нашей стране, президент США Р. Никсон. Иными словами: в наш ядерный век нет иной основы для взаимоотношений государств с различным социальным строем, кроме мирного сосуществования.

С лозунгом «Мир народам!» все шире развертывается сейчас «советское мирное наступление».

Начало см. на 2-й странице обложки.

ОКРЫЛЕННЫЕ ДРУЖБОЙ ВЕЛИКОЙ

братьев — и тех, что жили здесь испокон веков, и тех, что приехали сюда к ним на помощь с берегов Волги, Днепра, Немана... Вся страна строила этот замок Света — мощную Плявиньскую ГЭС. Москва и Минск посылали машины, кабель, электроприборы, Урал и Украина — металл, турбины, Ленинград — трансформаторы...

Рядом с мощной электростанцией поднялся живописный городок, названный именем первого главы правительства Советской Латвии — Петра Стучки. И тут я не могу не вспомнить его вдохновенные слова, сказанные в 1920 году, слова, в которых прозвучали надежда и мечта латышского народа. «В тот день, когда у нас снова восторжествует Советская власть, нам останется только бросить клич: к нам, далекие братья! И первой протянет нам руку товарищеской помощи Советская Россия, за которой последуют все страны уже победивших Советов... Ни одной минуты мы не будем в одиночестве!»

Поистине пророческие слова верного ленинца! Как только над многострадальной землей латышей вновь поднялось алое знамя Советов, первой протянула им руку товарищеской помощи Советская Россия. Да, латышский народ не остался в одиночестве — и летом сорокового года и осенью сорок четвертого, когда Советская Армия, в рядах которой сражался и латышский стрелковый корпус, освободила Латвию от фашистских оккупантов. Наша поэтесса Мирдза Кемпе взволнованно писала про те дни:

Всю ночь метались по небу зарницы,
Гудя струной, вперед звала дорога.
В то утро на военной колеснице —
На русской пушке въехала я в Ригу.
. . . .
И на меня солдаты посмотрели:
Тот русский капитан с открытым взором,
И белорус в иссеченной шинели,
И армянин, воскликнувший: «Джан Рига!»

Еще не были добиты остатки гитлеровских полчищ в «курляндском котле», а по железным дорогам уже мчались в Ригу эшелоны, груженные машинами, станками из Москвы и Ленинграда, уральским металлом, донецким углем, бакинской нефтью, продовольствием, посланным нам Кубанью и Кавказом. А главное — кадры: в первые послевоенные годы на постоянную работу в Латвию прибыло около 5 тысяч инженеров, техников, специалистов высокой квалификации. Буржуазной Латвии и 20 лет не хватило, чтобы достичь довоенного уровня 1913 года. Советской Латвии потребовались лишь два послевоенных года, чтобы уже оставить позади уровень 1940 года. Вот что такое братство советских народов, вот она, сила Союза, который, как того требовал Ленин, «...основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

Общий объем промышленного производства в Латвии по сравнению с 1940 годом возрос в 29 раз. Коренным образом изменилась структура нашего народного хозяйства. Латвия, некогда влачившая жалкое существование аграрного придатка империалистических монополий, стала высокоразвитой индустриальной страной. У нас возникли и, быстро наращивая темпы, стремительно развиваются такие новые отрасли промышленности, как химия, радиоэлектроника, точное приборостроение.

С помощью братских республик наше сельское хозяйство вышло на рубежи, о которых крестьянин буржуазной Латвии не мог и мечтать. В прошлом году урожай зерновых в среднем составил 26,3 центнера — это самый высокий урожай за всю историю земледелия Латвии. Она производит за год на душу населения более 700 килограммов молока, а ФРГ и Швеция — примерно 400. Но я хотел бы обратить внимание на одну специфическую для латышского крестьянина проблему. На угодьях, отвоеванных у болот, сельские труженики в послевоенные годы получили более двух третей валового сбора сахарной свеклы и примерно половину всего сбора зерна. А ведь львиную долю расходов, связанных с мелиорацией, взяло на себя Советское государство.

ВОПРОС. Как сказались все эти успехи на улучшении материального благосостояния трудящихся республики?

ОТВЕТ. Если вы приехали к нам поездом, то не могли не обратить внимания на то, как застроены жилыми кварталами ближайшие подступы к Риге — район Кенгарагс. Там поселились в новых домах 90 тысяч человек. То же и в Даугавпилсе, и в Резекне, и в Вентспилсе... Я уже не говорю о новых городах — химиков, энергетиков, текстильщиков. Сейчас в среднем за год сдается столько же общей (полезной) жилой площади, сколько было построено в буржуазной Латвии за 20 лет.

Для наших деревень издавна были характерны хутора. Им приходит конец. Крестьяне хотят жить не особняком на хуторе, а в благоустроенном поселке с современными коммунально-бытовыми удобствами. И государство идет им навстречу. В нынешней пятилетке в новые поселки переедут 25 тысяч семей. Наши архитекторы создали для сельских строителей проект одноквартирного жилого дома, имеющего более ста вариантов. В эту экспериментальную серию проектов входят трех — пятикомнатный жилой дом сборной конструкции с водопроводом, канализацией, центральным отоплением и целым комплексом хозяйственных построек.

Недавно на сессии Верховного Совета Латвийской ССР депутаты намечали пути дальнейшего развития торговли и общественного питания. Много говорилось о серьезных недостатках в торговле, о культуре труда за прилавком, в столовой, ресторане, кафе. Но при всем этом отмечалось, что в республике значительно увеличилась продажа населению важнейших продовольственных и промышленных товаров. Это ощущает в повседневном быту каждая семья. И вот что отрадно — изменилась структура потребления: меньше покупают картофеля, хлеба, больше — кондитерских изделий, овощей, фруктов, дорогостоящей одежды, обуви, культурно-бытовых товаров. Так пожинаются плоды возросших усилий тружеников нашей легкой, пищевой промышленности. Например, Огрский комбинат теперь выпускает столько отличных трикотажных изделий, что их с лихвой хватает и для Латвии и для братских республик.

ВОПРОС. Нельзя ли рассказать об экономических связях Латвии с другими краями страны?

ОТВЕТ. Наша партия последовательно проводит ленинские принципы социалистического разделения труда между республиками СССР, между его экономическими районами с учетом природных и трудовых ресурсов. Латвия особенно остро ощущает огромную значимость этих принципов. Я имею в виду, с одной стороны, ограниченность природных ресурсов — у нас нет угля, нефти, газа, железной руды, сырья для химической промышленности, а с другой стороны, географические факторы: незамерзающие порты, разветвленная транспортная сеть. Все это отличнейшим образом учитывается правительством, Госпланом СССР.

Сейчас Латвия и Западная Украина централизованно получают газ по газопроводу Дашава — Ивацевичи — Вильнюс — Рига. По нефтепроводу Полоцк — Вентспилс нефть Поволжья идет к берегам Балтийского моря, и на экспорт и для нужд республики.

География наших экономических связей простирается от Ленинграда до Дальнего Востока, от Заполярья до Кавказа. Свыше 35 процентов общего ввоза продукции и примерно столько же вывоза падает на долю Центрального и Северо-Западного районов РСФСР, а также на долю Украины. Мы ввозим уголь, металл, нефть, шерсть, хлопчатобумажные ткани, машины, тракторы, комбайны. Однако и в нашем вывозе преобладают промышленные изделия.

ВОПРОС. Проблема экономических связей республик — это и проблема идеологическая. Антикоммунисты, в частности главари латышских белых эмигрантов, возводят вокруг этих связей бастионы чудовищных измышлений. Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ. Да, это действительно бастионы, но они рушатся, как карточные домики, хотя активность строителей подобных бастионов все нарастает и нарастает, особенно сейчас, в пору подготовки к 50-летию образования СССР. Все светлое, чем ныне живет наш народ, в их измышлениях представляется архимрачным. У клеветников из верхушки латышской белоэмиграции, бережно опекаемых империалистами, наше строительство электростанций, химических комбинатов вызывает такое же бешенство, как, скажем, красное полотнище у быка: это-де, мол, нужно не латышам, а Москве, это-де, мол, рука русских колонизаторов. Старая, надоевшая пропагандистская побасенка, которую махровые антикоммунисты типа Калниньша, Германиса пытаются ныне подновить ссылками на «председателя Мао».

Между тем элементарно грамотному человеку известно, что немыслим прогресс, немыслим расцвет производительных сил без экономических связей, без экономического разделения труда, иначе стране уготована судьба аграрно-сырьевого придатка империалистических держав, в роли которого и влачила свое жалкое существование сперва буржуазная, а потом фашистская Латвия. Авторы самых разных, по-разному поводу состряпанных измышлений и фальшивок реакционной латышской белоэмиграции люто ненавидят Советскую власть, политику ленинской дружбы народов. Братская послевоенная помощь, которую оказывали прибалтийским республикам народы РСФСР, Украины, Белоруссии, объявляется «курсом на принудительное поселение русских, белорусов и украинцев на территории Латвии, Литвы и Эстонии». Народ Латвии благодарен за эту помощь, благодарен за помощь при восстановлении Кегумской, при строительстве Плявиньской ГЭС, благодарен тем ее строителям, которые сейчас сооружают Рижскую электростанцию — там тоже вме-

сте с латышами трудятся сегодня русские, украинцы, белорусы...

Мы благодарны нашим братьям и сестрам за то, что они помогли нам построить прекрасный завод химического волокна в Даугавпилсе, помогли подготовить для него кадры, среди которых Герой Социалистического Труда Феодосия Рыбакова, бросившая клич: «Пятилетку за три года!» Мы благодарны за ту помощь, которую нам оказали москвичи и ленинградцы при восстановлении наших портов, где в пору хозяйничанья буржуазии едва теплилась жизнь и о которых сейчас мы говорим: все флаги к нам. Суда Латвийского государственного морского пароходства заходят в сотни портов более чем 30 зарубежных стран.

Экономические связи известны и капиталистическим государствам. Но это связи хищников, готовых сожрать друг друга в жестокой конкурентной борьбе за место под солнцем. Экономические связи социалистических республик — это связи народов-братьев, народов-единомышленников. Вот чего никак не хотят понять, точнее, признать, наши противники. Дружба, взаимопомощь — это закон нашего бытия, закон, по велению которого русские помогали строить химический завод в Даугавпилсе, а молодые патриоты Латвии — возводить алюминиевый комбинат в Казахстане. Для нас это ленинский интернационализм в действии. А для наших недругов — это «принудительное поселение русских» на землях Прибалтики. И это смеют говорить буржуазные националисты, которые всячески пособляли гитлеровцам насильно переселять латышскую молодежь в Германию.

Мы с гордостью отмечаем, что по темпам индустриального развития опередили передовые страны Запада, а радиоклеветники, наводя тень на ясный день, лепечут: бедные латыши, у них «колониальный режим», установленный «русскими колонизаторами». Где же это видано, чтобы колония по темпам прироста промышленного производства перегнала Англию в 4 раза, скандинавские страны — в 2,2—2,3 раза, а ФРГ — в 1,5 раза.

Мы с гордостью отмечаем восторженный прием, который был оказан нашему балету во Франции и Италии. Нам радостно, что во многих странах мира звучат произведения латышских композиторов Маргера Зариня и Яниса Иванова, что приезжающие в Латвию американские туристы восхищаются нашим ансамблем «Дайле». А вот белоэмигрантские «знатоки культурной жизни современной Латвии» сокрушаются: «Оккупационный режим в Советской Латвии привел к ее герметизации, к изоляции ее культуры от внешнего мира...» Так сравнительно недавно писал некий господин Андрупса, так продолжают клеветать и иные идеологи латышской белоэмиграции.

Я напоминаю обо всех этих злобных шавках лишь потому, что, не раз битые, они не унимаются и даже пытаются под видом туристов посылать к нам своих людей, чтобы ловить тех одиночек, которые иногда еще не совсем четко представляют себе, что есть что и кто есть кто...

В вашем журнале в свое время под заголовком «Письмо за океан» было опубликовано письмо народного поэта Латвии Яна Судрабкална. То была своеобразная рецензия на книгу вожаков буржуазных латышских эмигрантов, живущих на незаконно присвоенные ими народные средства. Есть в этом письме строки, под которыми и сейчас подпишутся сыны и дочери Советской Латвии: «Крик о русском засилье, о гибели всего национального — давняя и излюбленная тема капиталистических фальсификаторов истории. Они всеми силами стараются разрушить дружбу советских народов. Вот поистине глаза и уши, которые ничего не увидели и не услышали, или, вернее говоря, видели и слышали только то, что подходило под заранее составленную программу! Они проглядели чудесный расцвет латышской национальной культуры при Советской власти, проглядели сердечную дружбу, которая испокон веков связывает латышей с русскими...»

Написано точно и метко!

ВОПРОС. Что бы вы могли сказать о взаимосвязях национальных культур, о сближении литератур, искусства, рожденных новой исторической общностью людей — советским народом?

ОТВЕТ. Жизнь показала, что это единственно верный путь для подлинного расцвета культуры социалистической страны. Истинно прогрессивная культура всегда проникнута духом интернационализма, ей чужда национальная замкнутость, которую так настойчиво культивировали правящие круги буржуазной Латвии. Они старались да и поныне стараются не замечать, скажем, что Н. А. Римский-Корсаков воспитывал виднейших латышских композиторов Я. Витола, А. Юрьяна, Э. Дарзиня, Э. Мелнгайлиса, что зачинатели профессиональной латышской живописи А. Алкснис, А. Бауман, Я. Розенталь, Я. Вальтер, В. Пурвит и другие проходили русскую школу изобразительного искусства.

Трудно переоценить силу влияния Максима Горького на творчество латышских литераторов — и до и после Октябрьской революции. Латышские писатели не раз с трогательной признательностью отмечали, сколь благотворно воздействие традиций русской советской литературы на развитие латышской прозы и поэзии. А разве не способствуют зрелости таланта, духовному обогащению наших литераторов, художников, режиссеров, актеров их частые встречи с коллегами из других республик, обмен опытом, обсуждение актуальных творческих проблем? Конечно, процесс этот взаимный, и мы не раз это слышали из уст больших мастеров культуры России, Украины, Белоруссии, Казахстана...

А. Упит, В. Лацис — это классики и латышской и всей многонациональной советской литературы. Творения латышского скульптора Героя Социалистического Труда Т. Залькална — это гордость всей многонациональной семьи советских художников. И в каких бы дальних странствиях ни оказались латышские поэты, зодчие, композиторы, они с чувством величайшей гордости говорят о себе: «Мы граждане СССР, мы представляем культуру многонационального Советского Союза!»

Я хотел бы особо отметить роль языка межнационального общения — роль русского языка для расцвета латвийской культуры. Да и не только культуры: у нас, пожалуй, не встретишь теперь человека, который не знал бы русского языка. Русский язык донес творения латвийских писателей, деятелей искусства до всесоюзного читателя и зрителя. Произведения В. Лациса за годы Советской власти вышли на латышском языке тиражом 1 миллион 790 тысяч экземпляров. А еще на 24 языках, в том числе зарубежных стран, его книги изданы тиражом в 12 миллионов 440 тысяч экземпляров. И львиная доля здесь — русские издания.

В свое время выдающийся латышский писатель-гуманист Рудольф Блауман говорил горькие слова по поводу провинциальной замкнутости своей маленькой Латвии: «Появится ли у нас когда-нибудь такой великий писатель или поэт, что тень его образа распластается через узкие границы родины? Разобьется ли такой талант, имя которого будет известно в Европе?»

Именно в Латвии Советской были созданы все условия для расцвета таких талантов. Книги самого Рудольфа Блаумана ныне издаются на русском языке большими тиражами. Фильм «Эдгар и Кристина», созданный на Рижской киностудии по произведениям Рудольфа Блаумана, смотрели десятки миллионов советских людей, он демонстрировался на экранах почти 30 зарубежных государств. А клеветники из эмиграции все продолжают твердить о какой-то «герметизации», «изоляции», лепечут о гибели латышской культуры, о молодежи, которая якобы не имеет средств, чтобы получить образование. Но ведь всем умеющим читать и считать известно — эти цифры не раз публиковались и в зарубежной печати: в буржуазной Латвии только 30 процентов поступивших в начальную школу имело возможность окончить ее. В 4 вузах буржуазной Латвии обучалось около 8 000 сынков богатых людей, а в 10 вузах Советской Латвии обучается почти 41 тысяча детей рабочих, крестьян, интеллигенции. На тысячу человек в Латвии приходится студентов в три раза больше, чем в ФРГ.

А наша Академия наук, основанная после войны при активной помощи Академии наук СССР? Сколько здесь талантливой молодежи! И не только латышской. В лабораториях институтов Латвийской АН вы встретите аспирантов из Баку и Каунаса, а под руководством крупнейших ученых Москвы, Новосибирска, Ленинграда поднимается к вершинам знаний латвийская молодежь. Тесные узы и научной и личной дружбы связывают ученых Латвии с их коллегами в Москве, Новосибирске, Киеве, Каунасе, Таллине...

Когда мы говорим о больших переменах в жизни латышского народа за годы Советской власти, то имеем в виду коренные перемены не только в экономике, но и в психологии, сознании людей. Наша молодежь теперь лишь по литературе, скажем, по роману В. Лациса «Сын рыбака», знает, что было время, когда рыбак скрывал от самого близкого друга место удачного лова. В рыболовецком колхозе «Царникава» трудятся рыбаки младшего поколения семьи Рихардов — Лаймдот и Яутрис. Их отец, Мартин Рихард, тоже рыбак,— недавно он ушел на пенсию,— конечно, знает об этих нравах не только по роману Лациса. А его сыновья и представить себе не могут, как же это не поделиться своей удачей, опытом с друзьями по колхозу.

На прославленном заводе ВЭФ работает Герой Социалистического Труда Волдемар Буш — человек острого ума и большого кругозора, отличный механик, автор многих изобретений. Вэфовцы соревнуются с ленинградцами — с производственным объединением «Красная заря». И одно из проявлений этого соревнования — взаимный обмен всякими техническими новинками. На многих родственных ВЭФу заводах появились автоматы «ЛУ-I». Это название расшифровывается так: «Латвия — Украина». Автомат создан коллективом латышских и украинских специалистов, среди которых и Волдемар Буш.

Формированию нового человека, гражданина, интернационалиста, советского патриота, у которого понятие «мое» сливается с понятием «коллективное», «государственное», подчинена вся наша идеологическая работа, особенно сейчас, в пору подготовки к юбилею СССР.

ВОПРОС. В 1940 году в «Огоньке», в первом же очерке о Риге советской, рассказывалось о вашей газете «Циня», о ее славной подпольной деятельности. Как она сейчас помогает интернациональному воспитанию своих читателей?

ОТВЕТ. Латышский народ любит, уважает свою «Циню», которая скоро будет отмечать 70-летие. Страницы ее истории — это летопись борьбы латышских пролетариев за новую жизнь. Мы гордимся тем, что в «Цине» была опубликована статья В. И. Ленина. «Циня» и сегодня верна своим славным традициям. Заслуживают всяческого одобрения ее очерки, репортажи, широко знакомящие латышских читателей с жизнью советских людей в Москве и Ленинграде, в Туве и на Памире. Газета правильно поступает, подчеркивая одну очень важную сторону наших успехов. Каждые 26 секунд с конвейера ВЭФа сходит радиоприемник; 30 процентов всех магистральных пассажирских вагонов, 51 процент мопедов и мотовелосипедов, выпускаемых в стране, дает Латвия. Так вот «Циня» правильно поступает, когда регулярно подчеркивает: в каждом латвийском радиоприемнике, велосипеде, вагоне, микроавтобусе овеществлены огромные усилия тружеников сотен предприятий братских республик. И то, что Латвия дает 30 процентов всех магистральных советских пассажирских вагонов,— это одно из проявлений разумного социалистического разделения труда между экономическими районами страны. Поставщиками наших вагоностроителей являются свыше 600 предприятий, и подавляющее большинство из них — за пределами Латвии.

ВОПРОС. И, наконец, последний и несколько личный вопрос: расскажите, когда вам самому пришлось особенно остро ощутить связь вашей судьбы с судьбой Родины, когда вам лично довелось ощутить силу дружбы советских народов?

ОТВЕТ. Мне, как и миллионам советских людей, довелось особенно остро и особенно сильно ощутить это чувство слитности личной судьбы с судьбой Советской Родины в годы

Великой Отечественной войны. Это и понятно: сама обстановка способствовала проявлению чувств глубоких и сильных. Вопрос стоял с предельной остротой: быть или не быть Советскому Союзу, а значит, быть или не быть Советской Латвии?

Находясь на партийно-политической работе в Латышской стрелковой дивизии, я видел, как лучшие сыны латышского народа проявляли высокое сознание своего патриотического интернационального долга. Латышская дивизия, которая была сформирована из добровольцев, впитала в себя цвет трудового народа Латвии. Плечом к плечу с сынами других народов СССР ее бойцы и командиры выступили на защиту социалистического Отечества. Они знали, что вместе с судьбой всей Советской Родины на полях битв решается и наша судьба.

...Ежегодно 13 октября в Риге собираются бывшие фронтовики — участники боев за освобождение столицы Советской Латвии от фашистских захватчиков. В этот день мы вспоминаем, как 13 октября 1944 года над Ригой вновь взвилось знамя свободы и счастья латышского народа, вспоминаем героев тех суровых битв — русского воина гвардии старшего сержанта Никифора Павлова, который в дни боев за освобождение Риги один из первых, под сильным пулеметным и минометным огнем противника форсировал реку Даугаву, в течение суток вместе с другими бойцами удерживал рубеж, отбив семь контратак неприятеля, трижды вызывал огонь на себя. За этот подвиг Никифору Павлову было присвоено звание Героя Советского Союза. Герой погиб в боях под Берлином, но память о нем жива. Одна из улиц в новом жилом массиве Риги названа его именем. Мы вспоминаем русского офицера, командира самоходного орудия, младшего лейтенанта Владимира Пригова — на своей машине он насмерть бился с 30 танками; вспоминаем украинца капитана Ивана Горбенко, командира отдельного истребительно-противотанкового дивизиона,— когда гитлеровцам после больших потерь удалось окружить дивизион и вплотную подойти к нему, Горбенко, подняв боевое красное знамя, крикнул: «Под знамя!» И все, кто мог еще стоять на ногах, ринулись в контратаку. Враг отступил. Но пуля сразила капитана. Горбенко посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, а тот холм, где шел бой, любовно называют «Горой капитана Горбенко». Латвия свято чтит память и старшего лейтенанта Абибо Шишинашвили и белорусского паренька, 18-летнего Пети Куприянова, повторившего подвиг Александра Матросова. А рядом с ними дрались за освобождение отчего дома сыны латышского народа офицеры Я. Рейнберг и И. Орлов, партизаны И. Судмалис и В. Самсон... Вот и ответ на ваш вопрос, когда я лично особенно глубоко ощутил силу великой дружбы народов СССР.

Но был, пожалуй, в моей жизни день, когда я как-то особо остро воспринял эту силу: незабываемый День Победы. Я его встретил в Риге. Все кругом напоминало о братской дружбе советских народов — еще зияли тяжкие военные раны, а брат уже помогал брату скорее встать на ноги. В тот день с особо возвышенным чувством благодарности думалось о великом русском народе, который цементировал дружбу всех советских людей и в лихую годину войны выступил организующей силой, обеспечившей разгром гитлеровцев объединенными усилиями всех народов СССР.

...Судьба каждого трудящегося Латвии неразрывно связана с судьбой его Родины — Союза ССР. Наши люди это ощущают повседневно. Недавно я был в городе Стучке, где вручал переходящее Красное знамя победителям в социалистическом соревновании. На трибуну поднимались и молодые и пожилые крестьяне. Одни говорили по-латышски, другие — по-русски. Но на обоих языках весомо и одинаково твердо звучало слово патриотов, понимающих, что их личное благоденствие немыслимо без благоденствия всего многонационального Советского государства.

В эти дни трудящиеся Латвии, как и все советские люди, много делают для того, чтобы достойно встретить юбилей Союза ССР. Ударным трудом отвечают они на призыв Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева работать сегодня и завтра лучше, чем вчера.

ВОСПОМИНАНИЕ

Николай ТИХОНОВ

В ноябре 1945 года я был с друзьями в селении Каменица, в Родопах, в Болгарии, в гостях у семейства народной героини Велы Пеевой, но мы знали, что вечером в Софии состоится решающее выступление Георгия Димитрова в городском театре на предвыборном митинге.

Стремительно одолев огромное расстояние Родопы — София, мы приехали в столицу, когда был уже вечер. И в театре и на всех площадях и улицах теснился народ и слушал речь Димитрова. Он выступал с небывалым подъемом, мудро и поэтично. Мы ощущали веяние истории в этот эпохальный вечер.

Еще в то утро был я в Каменице,
Гостил в семействе героини Велы,
В Родопах, возле греческой границы,
Где на вершинах снег был белый-белый.

Весь день мы мчались бесконечной чернью
Лесов, дорог, похожих на ступени,
Чтобы поспеть в Софию в час вечерний —
Димитрова услышать выступленье.

Мы вспоминали в той дороге длинной
Борьбы его суровейшие годы,
Зал Лейпцига, где был он как лавина,
Сметавшая фашистского урода.

Мы вспоминали жизнь его, как битвы,
В которых он неутомимо бился,
А между тем дорога, словно свиток,
Вилась, и сумрак уж над ней сгустился.

А я сидел однажды с ним за чаем,
В Барвихе*, в марте, в первой встречи вечер,
И все равно он был необычаен,
С своим неповторимым красноречьем,

С своей железной логикой и волей,
С иронией и юмором народным,
Как сеятель в необозримом поле
Грядущего своей страны свободной.

И вот в Софии мы, уже не в царской,
Дождем внезапно небо раскололось,
Над городом, над всей землей болгарской
Димитрова услышали мы голос.

Застыло море зонтиков несчетных,
Народу в театре места не хватило,
Народ стоял, как караул почетный, —
Блестели слезы, и сердца щемило.

Вернулся он к Болгарии родимой,
К ней, пережившей лихолетья муки,
Вернулся он — огонь непобедимый,
К нему тянулись и сердца и руки.

Он говорил после разлуки долгой,
И все светлее делалось на свете,
И под дождем, совсем уже не колким,
Стояли мы и слушали бессмертье!

---

* Подмосковный санаторий.

Г. Димитров за рабочим столом.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

РЫЦАРЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Роман КАРМЕН, лауреат Ленинской премии

Фото автора.

Событие, о котором я хочу рассказать, вошло в историю нашего века. Оно стало и знаменательной вехой в моей жизни кинодокументалиста.

Конец 1933 года. Вся наша страна, весь мир следил за волнующим финалом Лейпцигского процесса, где на протяжении нескольких месяцев Георгий Димитров вел мужественный поединок с фашизмом. Имя Димитрова стало тогда символом бесстрашия в революционной борьбе, символом беспредельной преданности делу рабочего класса, делу коммунизма. На позорном фашистском судилище он выступал как гневный обвинитель. В своей заключительной речи он говорил:

— Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, кровь от крови и плоть от плоти моей. Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

Судьи в Лейпциге так и не смогли вынести смертный приговор Георгию Димитрову, Благою Попову и Василу Таневу. Они вынуждены были перед всем миром признать невиновность Димитрова. Однако фашисты не выпускали его из своих лап. Над головами бесстрашных революционеров нависла угроза кровавой расправы.

15 февраля 1934 года правительство СССР вынесло решение о принятии Димитрова, Попова и Танева в советское гражданство и потребовало, чтобы германские власти немедленно освободили их.

Затаив дыхание, миллионы людей ожидали развязки. Вечером 27 февраля мне позвонил знакомый товарищ из Коминтерна. «Час тому назад,— сказал он,— нам сообщили, что западную границу СССР пересек немецкий пассажирский самолет. Из Кенигсберга на запрос авиационных властей ответили, что в самолете три пассажира. Возможно, что это...»

Неужели они?! Я позвонил в редакцию «Известий». Только что агентство Рейтер передало, что трое болгар отправлены из Берлина самолетом в Москву.

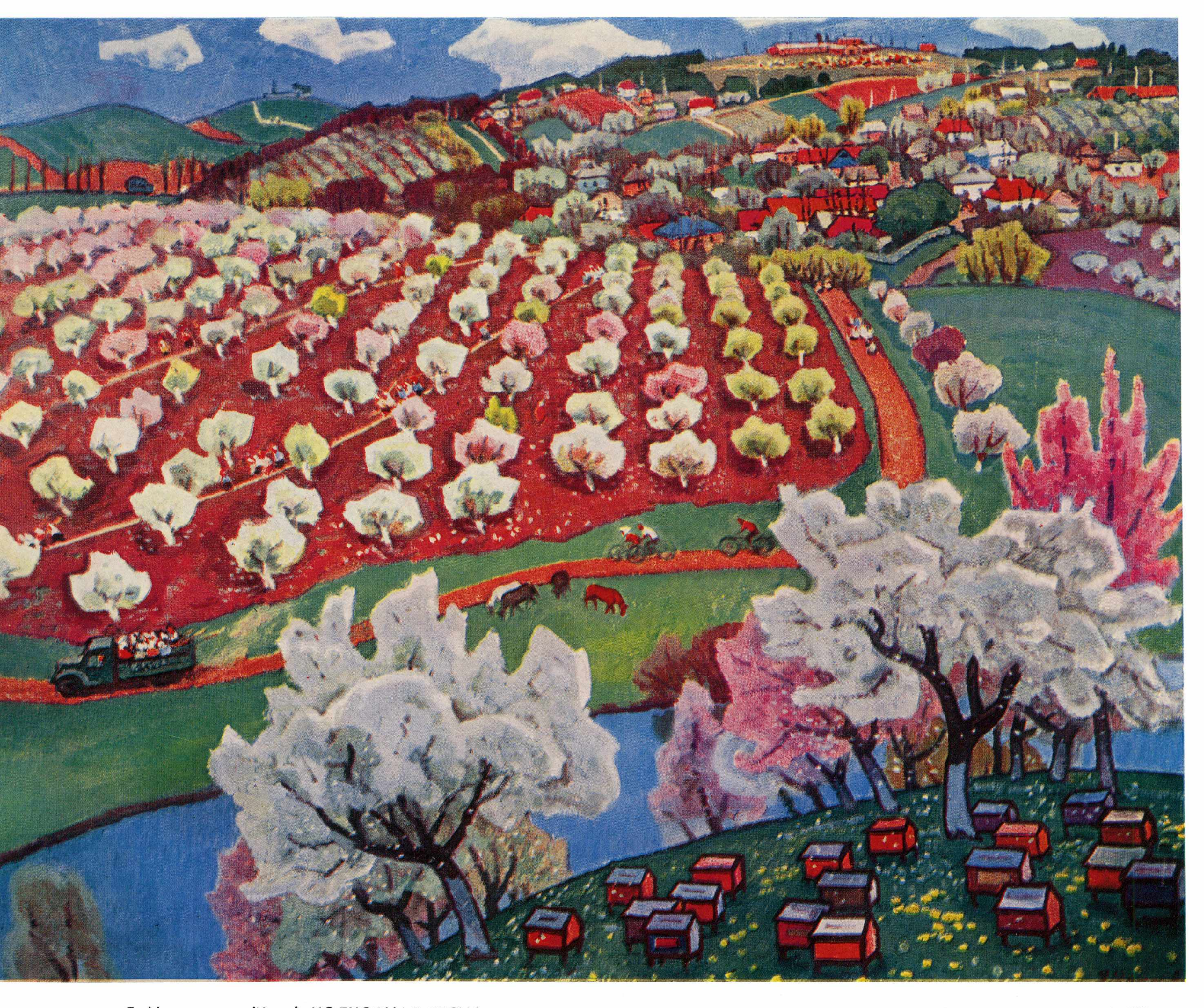
Я кинулся на киностудию. Молниеносно погрузили в машину съемочную и осветительную аппаратуру. По городу наша машина мчалась, проскакивая красные светофоры. На ходу я заряжал кассеты.

Приближаясь к аэродрому на Ходынке, мы

В. Хитриков (Киев). ЛИТЕЙЩИКИ.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

Я. Мацеевская (Киев). КОЛХОЗНАЯ ВЕСНА.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

обгоняли группы людей. Они спешили, и у некоторых были в руках знамена. Значит, весть начала облетать Москву...

На аэродроме уже была толпа. Темнело. Я вышел на летное поле. Сумеречную дымку прорезал вращающийся луч прожектора. На поле стояли люди. Я увидел товарища Дмитрия Мануильского — одного из руководителей Коминтерна, чешского коммуниста Богумира Шмераля, Михаила Кольцова.

Взлетели сигнальные ракеты, и над нашими головами пронеслась тень двухмоторного самолета. Он пошел на посадку и, вырулив по снежному полю, остановился. Медленно раскрылся люк. Чья-то рука опустила на землю лесенку.

И вот в двери самолета показалось знакомое лицо Георгия Димитрова. Вслед за ним — товарищи Благой Попов, Васил Танев. Ступив на землю, Георгий Димитров оказался в тесном окружении друзей. Его сжимали в объятиях. Шляпа свалилась. Снежинки ложились на его шевелюру, чуть тронутую сединой.

Кто-то запел «Интернационал». Революционный гимн звучал на широком поле аэродрома. Вдруг спохватился Дмитрий Мануильский: «Давайте скорее шубы, они же замерзнут!» Димитров, Попов и Танев были в легких пальто. Кто-то накинул на их плечи шубы, нахлобучил на головы теплые шапки.

Товарищ Мануильский произнес короткое приветствие от имени Коминтерна, Советского правительства, партии, советского народа. Слово взял находившийся среди встречавших представитель болгарских шахтеров. Он напомнил, как в Пернике в 1919 году провокаторы хотели убить Димитрова. Он закончил словами: «Но убить нашего Димитрова невозможно! Да здравствует Димитров! Да здравствует мировая революция!»

Группа людей пошла по полю к зданию аэровокзала. У выхода уже была огромная толпа. Реяли развернутые знамена, над площадью плыли звуки «Интернационала» — играл самодеятельный духовой оркестр рабочих авиационного завода.

Вспыхнули наши прожектора, я начал снимать. Димитров снова оказался в ликующей толпе. Каждый хотел пожать его руку, обнять, расцеловать. Кто-то закричал: «Покажите нам Димитрова!» Принесли скамью. Георгий Димитров поднялся на нее, сказал несколько слов.

Провожаемый восторженными приветствиями, Димитров поехал в гостиницу «Люкс» на улице Горького. Там его встретила сестра Елена.

В гостинице стихийно возникла пресс-конференция. Несмотря на крайнюю усталость и протесты врача, Димитров 40 минут беседовал с корреспондентами.

Принесли в гостиницу корзину цветов с запиской от Надежды Константиновны Крупской и Марии Ильиничны Ульяновой.

На вопрос корреспондентов, что он будет делать в Советском Союзе, Димитров ответил: «Я солдат пролетарской революции, солдат Коминтерна. Им я был на суде. Здесь я буду выполнять свои обязанности солдата пролетарской революции — до последней минуты своей жизни».

Димитров рассказал, как его отправляли в Советский Союз. Разбудили на рассвете в камере гестаповской тюрьмы, и стоявший над головой гестаповец приказал: «Немедленно одеваться. Выходить с вещами». Гестаповец не ответил на вопрос Димитрова, куда его отправляют.

Брошенный в машину, он оказался между двумя гестаповцами. Подъехали к аэродрому Темпельгоф, машина остановилась около самолета. Димитров увидел Попова и Танева. Всех троих посадили в самолет, который сразу же оторвался от земли. Вместе с ними был советник Гелер, уже знакомый Димитрову по процессу в Лейпциге. Гелер сообщил узникам, что их отправляют в Советский Союз. Он сказал: «Надеюсь, вы не будете клеветать на Германию, которая отнеслась к вам великодушно». Димитров ответил ему: «...Я надеюсь возвратиться в Германию, но уже в качестве гостя германского рабоче-крестьянского правительства».

На другой день после прибытия Димитрова и его товарищей в Москву я с утра дежурил в коридоре у комнаты Димитрова со своей аппаратурой. Врач поставил категорическое условие: «На съемку не более двадцати минут!..»

Георгий Димитров тепло поздоровался со мной и моими товарищами. Я немедленно приступил к съемке. «Двадцать минут!..» Эта мысль не давала мне покоя. В комнате стоял накрытый стол, я попросил Димитрова, Попова и Танева продолжать завтрак, снял их за столом. Потом они просматривали утренние газеты, в которых на первых полосах были сообщения об их приезде, их портреты. В немецком журнале «Иллюстрирте цейтунг» на всю страницу был знаменитый фотомонтаж Джона Хартфильда — Геринг с окровавленным топором, занесенным над головой Георгия Димитрова. Я снял, как болгарские товарищи с улыбками рассматривали фотомонтаж.

Затем попросил Георгия Димитрова написать краткое приветствие трудящимся Советского Союза. Он сел за письменный стол и, не выпуская папиросы, окутанный клубами табачного дыма, написал строки братского привета трудящимся Советского Союза.

Подписавшись, он пригласил к столу Попова, Танева, они поставили под приветствием свои подписи. Я не прекращал ни на минуту съемки, стрелка часов уже перевалила за черту заветных двадцати минут, я старался не глядеть в сторону врача, который нетерпеливым жестом приказывал заканчивать съемку. В заключение мы снялись группой и обменялись крепкими рукопожатиями с товарищами Димитровым, Поповым и Таневым.

«ДОМА!» — так был назван экстренный выпуск кинохроники о прилете Димитрова, который этим же вечером демонстрировался в кинотеатрах Москвы. К сожалению, в этом выпуске лишь малая часть отразила эпизод на аэродроме, потому что в разгар съемки ринувшаяся к Димитрову толпа опрокинула осветительные приборы, лишь несколько метров пленки — выход Димитрова из дверей аэропорта, горячие объятия — и темнота, свет погас. Но и эти краткие кадры отразили накал чувств этой минуты...

Прошло две недели. Георгий Димитров, Благой Попов и Васил Танев отдыхали под Москвой. Было решено снять Димитрова на отдыхе. Он радушно встретил меня в санатории «Архангельское» под Москвой, я провел у него полдня. Димитров уже выглядел отдохнувшим, хотя не прекращал работы ни на один день.

Я снимал Димитрова в лесу, на прогулке. На берегу речки его окружили крестьяне близлежащей деревни. Снял я Георгия Димитрова и в его рабочем кабинете.

Вместе с Георгием Димитровым отдыхала и его мать Параскева. Я снимал ее сидящую в кресле с вязаньем в руках, слушал неторопливую ее речь, ловил взгляд добрых темных глаз, устремленных с нежностью на любимого Георгия, и невольно в памяти возникали эпизоды героической борьбы этой женщины за освобождение сына. Мне вспоминался рассказ Михаила Кольцова о выступлении матери Димитрова на грандиозном митинге в Париже. Французские рабочие встретили ее появление на трибуне громовыми овациями. Она тогда сказала, что ее сын Георгий Димитров тридцать пять лет борется за права рабочих. Не только болгарских, но и за права рабочих во всем мире... Она призвала собравшихся бороться, чтобы освободить Димитрова и его товарищей. Если Георгия Димитрова удастся спасти, он будет продолжать бороться за права и счастье простых людей.

Трое сыновей этой женщины пали в борьбе: Никола умер на царской каторге в Сибири, Костандин погиб в Балканскую войну, Тодор в 1925 году был зверски убит в полиции. Как отважно она боролась за спасение сына Георгия!

Меня не покидало чувство глубокого волнения на протяжении всей съемки. Поражали простота, необычайная человечность, мягкость и вместе с тем ощутимая внутренняя мощь Георгия Димитрова. Теплая улыбка на его лице сменялась задумчивостью, минутами он был устремлен в себя. Передо мной был образ могучего горного орла, символ бесстрашия в революционной борьбе, беспредельной преданности делу рабочего класса.

Таким на всю жизнь запечатлелся в моей памяти Георгий Димитров, великий сын болгарского народа. Два года спустя я снимал в Испании продолжение битвы с фашизмом. Отдельная 129-я интербригада носила имя Георгия Димитрова. Помню, как во время ожесточенных боев на Хараме в феврале 1937 года я снял знамя, гордо развевающееся над рядами бойцов батальона, идущих в бой. Битва с фашизмом, начатая на испанской земле, завершилась великой победой над полчищами гитлеровцев весной 1945 года. Георгий Димитров вернулся на родную землю, освобожденную от врагов.

Ступив на родную землю, Димитров, обращаясь к своему народу, сказал: «Прошло уже двадцать два года с тех пор, как я не был на болгарской земле. Вы можете не сомневаться, если я скажу вам, что в течение всего этого времени, где бы я ни находился, чем бы ни занимался, я никогда, ни на один момент не переставал думать и работать на пользу своего болгарского народа, ради его будущего, ради его счастья и благоденствия».

Прошли годы, десятилетия, и всегда меня охватывает волнение, когда я вспоминаю встречи с великим сыном болгарского народа. Я счастлив, что мне довелось запечатлеть благородный образ мужественного рыцаря пролетарской революции.

Москва, 28 февраля 1934 года. Товарищи Димитров, Попов и Танев просматривают «Правду» с сообщением об их прибытии в Советский Союз.

Параскева Димитрова.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

ЕГИПЕТСКИЕ

На Арабском Востоке часто говорят: «Бейрут — маленький Париж», «Танжер — африканский Марсель», «Касабланка — марокканская Ницца». Это неправильно. Каждый из этих городов имеет свое лицо. Дело в том, что арабская космополитическая элита всегда стремилась загримировать их под Европу. И частично, по крайней мере внешне, это ей удавалось. Но Каир не похож ни на один город мира. И он не хочет быть ни на кого похожим. Он таков, как есть. Он Каир. «Тот не видел мира, кто не побывал в Каире»,— утверждала Шахразада в сказках «Тысячи и одной ночи». Это означает также, что сама египетская столица — это целый мир.

Городской рисунок Каира сложен. Он напоминает дерево, которое начало расти от разных корней, а потом слилось в единый ствол. Официальной датой основания города считается 969 год. За 1 000 лет он пережил большую, трудную, временами кровавую историю...

Здесь владычествовали мамлюки, военная олигархия, образовавшаяся из рабов, увозившихся с Кавказа, из Албании и других стран. В XVI веке пришли турки. В конце XVIII века высадился Наполеон Бонапарт. Потом на египетском престоле утвердилась династия, начало которой положил Мухамед Али, военачальник албанского отряда, сам по происхождению албанский торговец. Его династия отдала Египет на разграбление иностранному капиталу. В конце XIX века пришли англичане. Египет стал английским протекторатом. И только египетская революция 1952 года создала основу истинно национальной власти в стране.

Я рассказываю о Каире и пишу обо всем этом потому, что египетская столица — это сплав всего того, что пережил египетский народ за долгие века борьбы с иноземными пришельцами. Каир — это кристаллы, застывшие, как лава. Египетская история читается на каждой каирской улице.

Я не поверю человеку, приехавшему сюда из северных широт, который скажет, что он полюбил Каир с первого взгляда. Он подобен мудрым восточным книгам. В них нужно вчитываться, в них надо проникать. Сначала Каир кажется слишком шумным и даже утомительным городом. Неуправляемая уличная толпа, беспорядочное движение без соблюдения установленных правил, крики продавцов шербета со льдом, двухколесные арбы, медленно движущиеся среди бешеного потока автотранспорта. Шумные продавцы галантереи, восточных сладостей и всякой мелочи. Каир — это город с горячим темпераментом.

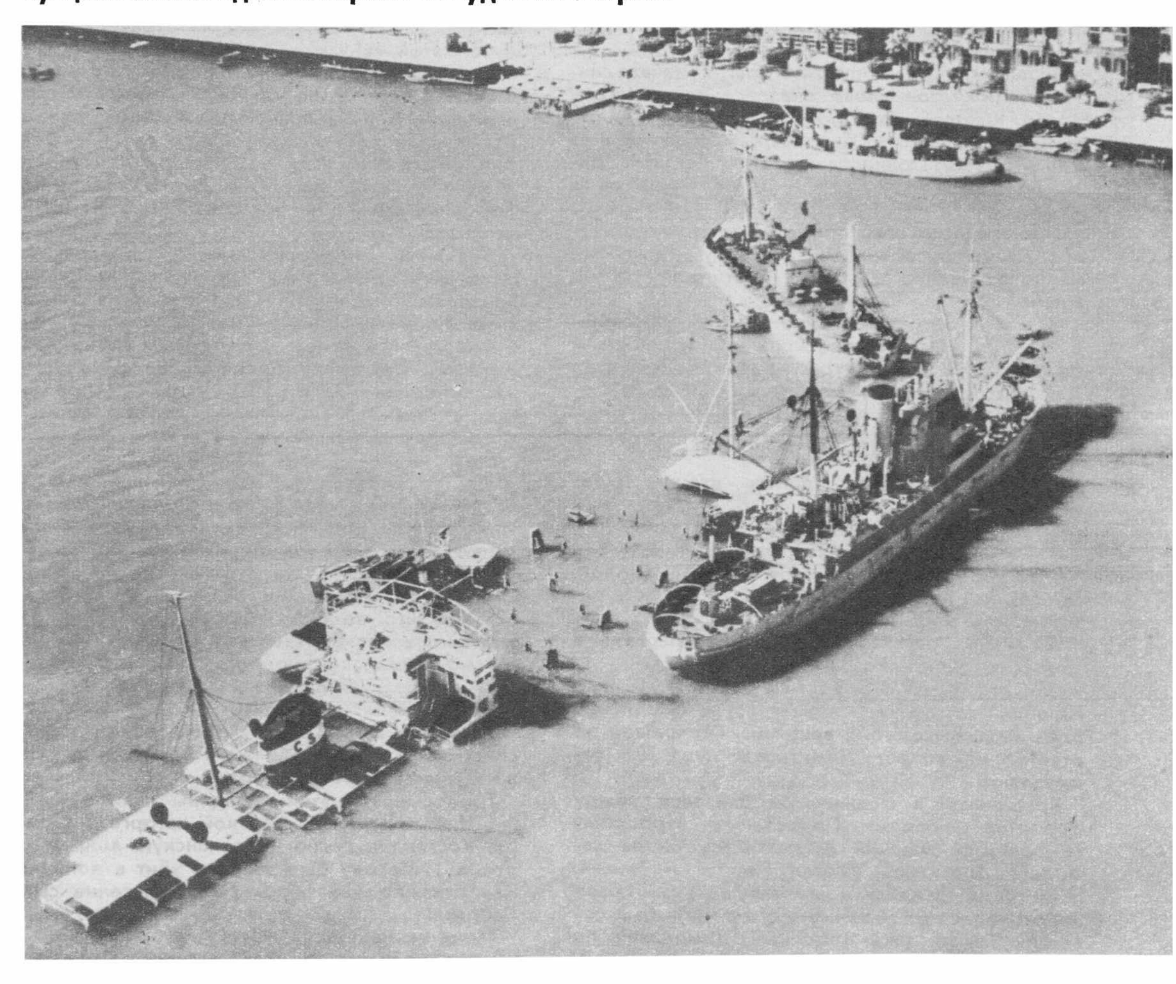
Я часто бываю на площади Оперы. Здесь сходятся два Каира — исторический и современный. Посередине площади, на высоком пьедестале, восседает каменный человек в

«Каир — это кристаллы, застывшие, как лава».

Фото ТАСС, ЮПИ.

Суэцкий канал: здесь застряли 15 судов из 8 стран.

тюрбане, на коне, с саблей в руках. Это султан Ибрагим-паша. Он прославился своими победами в Сирии и Аравии. Другой правитель Египта, хедив Саид, прославился не этим. Хедив Саид отличался страстью к развлечениям, и она довела Египет до беды. Хедив задолжал солидные суммы французским и английским банкирам. Его дела дошли до того, что была создана специальная компания египетского долга, которая ломала голову, как получить деньги с хедива. Однако ситуация разрешилась полюбовно. Помог бывший французский консул в Порт-Саиде, делец Фердинанд Лессепс. Он был вхож к хедиву, и ему удалось продвинуть идею, которая давно волновала кое-кого в Европе,— о прорытии Суэцкого канала. Саид отдал Суэцкий перешеек в концессию спешно созданной «Всеобщей компании морского Суэцкого канала», которая, впрочем, была не столько «всеобщей», сколько франко-английской. Полученными деньгами хедив расплатился с кредиторами, правда, лишь на время, позже он снова впал в долги... Так прозаически и возмутительно просто на шею египетскому народу было надето ярмо, сбросить которое ему удалось лишь через сто лет.

Вдоль площади Оперы тянутся лавки каирских букинистов. Впрочем, слово «лавки», по-видимому, я употребил неправильно. Вернее было сказать «прилавки» или «лотки». Каирские букинисты — выдающиеся специалисты своего дела. Вам безошибочно назовут, когда, где и каким тиражом издана та или иная книга и есть ли она сейчас на книжном рынке не только Каира, но и других арабских столиц. Здесь можно найти издания на самых разных языках: английском, французском, итальянском, немецком и даже японском. Много книг и на русском. Сейчас знание русского языка совсем не редкость в Каире.

Ряды букинистов упираются в старомодный отель «Континенталь». Он построен в том стиле, который принято называть «колониально-викторианским». Он насаждался в свое время в разных странах Британской империи. Когда-то «Континенталь» был одним из самых дорогих отелей Каира. Здесь обитала британская колониальная элита. Сегодня это самая обычная гостиница, и не из дорогих.

Неподалеку от «Континенталя» — Концертный зал. До революции здесь помещалось так называемое «Кабаре мадам Софи». Сюда захаживали королевские офицеры Фарука, последнего монарха Египта, высокопоставленные чиновники, богатые торговцы, спекулянты наркотиками. Это был своего рода клуб продажной верхушки колониального Египта, беспринципной и развращенной.

Заведение «мадам Софи» бесславно закончило свое существование. В январе 1952 года английские оккупационные войска устроили кровавую расправу над египетскими патриотами, требовавшими удаления их из зоны Суэцкого канала. Вся страна кипела. Однажды вечером толпы каирцев подошли к кабаре,— на террасе местная знать распивала коньяк в компании веселых девиц. Каирцы начали упрекать офицеров: «В то время как оккупанты проливают кровь египтян, вы здесь развлекаетесь, вместо того чтобы встать на защиту Египта». В ответ с террасы полетели пустые бутылки из-под коньяка. Терпение Каира лопнуло. Разгневанные горожане сожгли кабаре. Пожары вспыхнули по всему Каиру. Это было первое знамение приближающегося конца монархии. Революция стояла у ворот Египта.

С запада на площадь Оперы надвигается современный Каир — деловые кварталы, улицы Сулейман-паши, площадь Ат Тахрир, где находится министерство иностранных дел, Центральный Комитет Арабского социалистического союза, Лига арабских стран. Это Каир начала семидесятых годов XX века, столица страны, ведущей упорную и трудную борьбу против агрессии, за восстановление попранной справедливости.

Эта борьба является тем главным, чем живет сегодняшний Каир и весь Египет в целом. Она не только определяет основное направление деятельности правительства и государства, но и эмоциональный настрой современного египтянина, его отношение к другим народам, к миру. Страна приумножила свои силы благодаря помощи Советского Союза. Египетский народ слишком дорого заплатил за свою свободу и независимость, чтобы смириться с сионистами, захватившими неотделимую часть его родины...

Четыре тысячи лет назад один из фараонов 12-й династии построил поперек Синая высокую стену для того, чтобы, как сообщает папирус, «никто с другой стороны стены не мог испить нильской воды». Теперь даже следов этой стены не осталось. Синайский полуостров связывает Египет с Азией и через Суэцкий канал с Европой, со многими государствами мира. Захват Синая и перекрытие Суэцкого канала давно входили в планы израильской экспансии. Таким путем агрессоры рассчитывали отрезать Египет от Азии, Европы и стран Арабского Ближнего Востока, парализовать то влияние, которое оказывает египетская революция на арабский мир. Это не только цель сионистов, это основная цель империализма на Ближнем Востоке. Вот почему борьба за ликвидацию последствий израильской агрессии стала «вопросом вопросов» всего того, что происходит сегодня здесь.

В результате нападения Израиля на Египет и закрытия Суэцкого канала для мореходства здесь застряли 15 судов из восьми стран. Суда постепенно разрушаются, приходят в негодность, ржавеют обшивка, кили, днища обросли ракушками и водорослями. Вот польский корабль «Болеслав Берут», английские — «Скоттиш Стар» и «Порт Инверкаргилл», шведские — «Киллара» и «Ниппон», западногерманские — «Мюнстерланд» и «Норвид». Болгарский грузовоз «Васил Левский» под управлением А. Богданова шел в июне 1967 года из ДРВ, куда доставил очередную партию продовольствия и машин. Здесь его и застал ближневосточный кризис. За кораблями наблюдает небольшая команда во главе с капитаном.

— Открытие канала для судоходства — насущная необходимость,— сказал товарищ Богданов.— В результате его закрытия нанесен большой ущерб международному мореплаванию и судоходству.

Я заметил капитану, что в некоторых американских газетах высказываются версии, что, мол, канал утратил теперь свое международное значение как важнейшей мореходной артерии.

— Это несерьезно. Для европейских стран, для стран Азии и Африки закрытие канала приносит огромные убытки. Для нас, моряков, такая постановка вопроса выглядит просто нелепо. Выходит, удобней плавать вокруг Африки, как во времена Васко да Гамы,— ответил капитан.

Судьба канала неотделима от решения всей ближневосточной проблемы в целом. Отказываясь вывести войска с оккупированных территорий, Тель-Авив срывает возобновление мореходства по каналу, не считаясь ни с чем.

...В Египте ни одна встреча не обходится без кофе, будь это встреча друзей или обсуждение важного вопроса где-нибудь в министерстве. Кофе готовится разными способами: «заяда» — много сахара, «масбут» — нормальное его количество, «аррихра» — мало сахара и «сада» — совсем без сахара. Если вы не выразили желание, какого именно вам хочется, вам дают «масбут».

За чашкой «масбута» у меня проходила интересная беседа с государственным министром планирования Египта Исмаилом Сабри Абдалла. Он известный ученый-экономист, его книги переведены на многие иностранные языки. Абдалла — один из самых ярких представителей прогрессивной интеллигенции страны. Такие люди привлечены сейчас к руководству Египтом. И это — одно из самых, на мой взгляд, важных достижений египетской революции. Вопрос, с которым я обратился к государственному министру, касается следующего: в соответствии с конституцией Египта цель революции, в частности, состоит в том, чтобы заложить основы справедливого общества без эксплуатации, социалистического общества. Советский Союз оказывает большую помощь Египту. Экономический результат ее общеизвестен, а каков ее социальный эффект? Как она способствует строительству новых отношений в египетском обществе?

— Арабский народ Египта избрал путь социалистического развития и отверг капиталистический путь,— говорит доктор Исмаил Сабри Абдалла.— Этот выбор подтвержден основными документами нашей революции — Программой 30 марта 1968 года, с которой выступил президент Насер, и Программой национальных действий 1971 года, разработанной Всеобщим национальным конгрессом Арабского социалистического союза.

Советский Союз оказывает большую помощь в области социального развития Египта. Поясню. Во-первых, для того, чтобы иметь возможность осуществить переход к социалистическому обществу, нам необходимо успешно защищать нашу независимость в борьбе с сионизмом и империализмом. Советский Союз неизменно стоит рядом с нами в справедливой борьбе. Во-вторых, для движения Египта по этому пути особенно важно развивать государственный сектор нашей экономики, опора на который является основой такого движения. Помощь Советского Союза направлена на развитие государственного сектора. Это имеет тем большее значение, что капиталистические круги Запада поддерживают частные буржуазные элементы в нашей стране. Для строительства социализма в Египте необходима индустриализация страны и реорганизация сельского хозяйства на современной основе. И в этом опять-таки роль советской помощи трудно переоценить. И, наконец, закладывая основы социалистического общества, исходя из наших собственных национальных условий, мы одновременно имеем возможность опереться на опыт Советского Союза, первого в истории социалистического государства. Благодаря огромным достижениям СССР наш народ рассматривает его как великую школу социалистического строительства, в которой многому можно поучиться. Отсюда огромный интерес египтян к вашей стране, стремление больше узнать о Советском Союзе, о тех испытаниях, которые преодолел советский народ, о тех битвах, в которых он сражался, чтобы построить социалистическое общество.

Египтяне не боятся слов «влияние Москвы», которыми пугают их те, кто хотел бы восстановить здесь влияние иностранных монополий. Советский человек в Египте — это труженик и созидатель. Одно из самых важных его дел, результаты которого не менее значительны, чем строительство заводов и фабрик,— это помощь в воспитании нового поколения египтян, египетского рабочего класса и интеллигенции. Выход этого нового поколения египтян на историческую арену страны и всего Ближнего Востока—наиболее перспективный процесс, который происходит сейчас в Египте.

Советско-египетская дружба прочна и устойчива еще и потому, что это не только сотрудничество двух государств, построенное на справедливой и равноправной основе, которая не поддается эрозии времени. Это дружба людей труда Советского Союза и Египта.

Каир.

ГОРИЗОНТЫ

МАНИТ НЕИЗВЕДАННОЕ

А. ХРАМЦОВ, Герой Социалистического Труда, рабочий Уралмашзавода

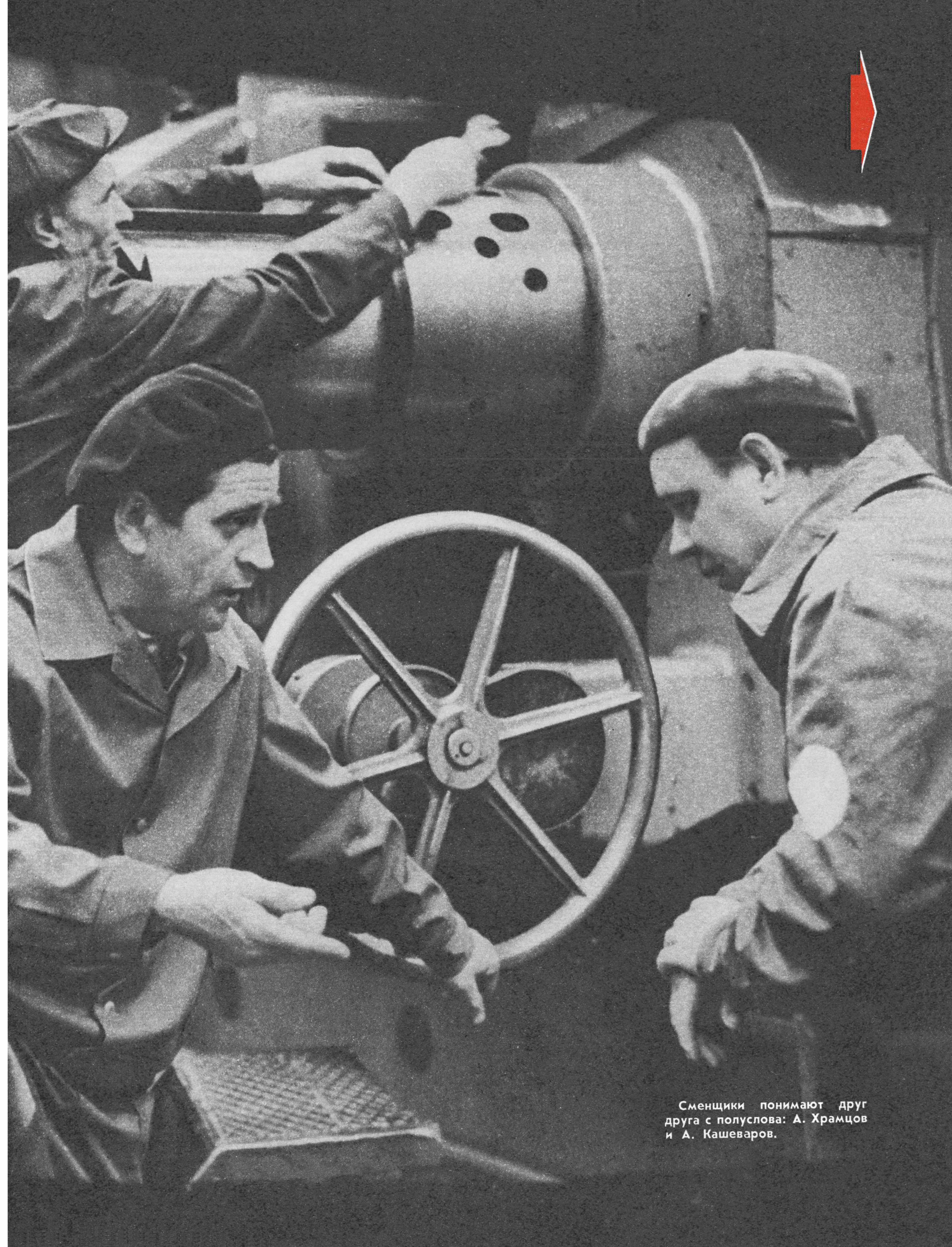
Фото Э. Эттингера.

Мой собеседник — рабочий Уралмашзавода Александр Иванович Храмцов. «Самый обычный рабочий»,— хотел было сказать я, но подумал вот о чем: далеко не каждому удается достигнуть в жизни того, чего достиг этот человек. Работая на зубострогальном станке, каких в нашей стране всего-то два, второй — в Краматорске, он дошел в своем деле до высочайшего мастерства и стал Героем Социалистического Труда; он почетный гражданин города Свердловска, избирался депутатом Верховного Совета СССР, а на XXIV съезде КПСС избран членом ЦК КПСС. «Может быть, судьба его, Александра Ивановича, исключительна!» — подумал я, и вопрос, который хотел задать последним, задал первым.

●

Вопрос. Итак, можно ли сказать, что судьба ваша исключительна!

ОТВЕТ. Другими словами, не игра ли случая мои достижения и достижения моих товарищей! Так надо понимать ваш вопрос! Если коротко: нет, не игра. Но это, по-моему, и так очевидно. Еще в детстве в школе нас учили писать: «Государство — это мы». И не только писать, но и познавать смысл этих слов. А смысл предельно ясен. Дела страны — мои дела. Успехи страны от моих, от наших успехов зависят. То есть наш социалистический строй создает все предпосылки к наиболее полному раскрытию личности. И тут уж все зависит от тебя самого: дерзай, твори, старайся. Другое дело, что я считаю

Сменщики понимают друг друга с полуслова: А. Храмцов и А. Кашеваров.

себя большим должником перед бригадой, цехом, заводом, короче, перед моими товарищами-рабочими, потому что это они сделали меня тем, кем я стал. Я ведь мечтал быть летчиком, но состояние здоровья не позволило. Пришел мальчишкой на завод и увидел, как из болванки, из бесформенного куска железа рождается под руками токаря красивая и нужная деталь. Захотел стать таким же. И не жалею.

ВОПРОС. В вашей трудовой книжке только одна запись — принят на Уралмашзавод в 1939 году. Как изменился за эти десятилетия рабочий и что лежит в основе этих изменений? Ведь они происходили на ваших глазах?

ОТВЕТ. Изменения произошли громадные. Начнем хотя бы с образовательного уровня. Раньше поступали на завод с четырехклассным образованием, а многие и того не имели. Сейчас людям безграмотным или малограмотным у нас делать нечего. Научно-техническая революция предъявляет совершенно иные требования к рабочему, мы это чувствуем на себе. Раньше, чтобы обучить делу подручного, мне требовался год (станок у нас все же не совсем обычный, позволяет обрабатывать детали весом до сорока тонн, а диаметром до шести метров). Сейчас этот срок сократился до двух-трех месяцев. Вот Сережа Печурицын в цех пришел после десятилетки, на лету все схватывает. То же самое Валерий Тельных, способный парень. Юра Бойко на четвертом курсе Политехнического института учится. Причем я не уверен, что, получив диплом инженера, он захочет уйти из бригады. Дело не в том, что привык, а просто труд рабочего требует инженерных знаний. Практически, например, Василий Балабанов или Анатолий Сапрыкин этим требованиям вполне отвечают. Что касается меня самого, то я лет двадцать назад почувствовал: начинаю отставать. Казалось, все идет нормально, задания выполняю, но понимаю, что тяну, как бы это точнее сказать, на пределе сил, что ли. Знаний не хватало, за каждой мелочью приходилось обращаться либо к мастеру, либо к наладчику, либо к инженерам. А хотелось самому. И пошел я сдавать экзамены в машиностроительный техникум. Случилась неудача: самый главный и нужный предмет не сдал—математику завалил. Что тут делать? На производстве уважают, опыт накопил. Но опыт— дело такое, он постоянного обновления требует. Решил год не терять, ходить на лекции вольнослушателем. И вот после работы бежал в техникум, сидел на занятиях, иногда меня даже к доске вызывали. Месяц так сижу, два, полгода. Бросить хотел, тяжело — не раз возникало такое желание. В трудные моменты жена вместо меня ходила на занятия, а я по ее конспектам занимался. Вот так мы и учились — вдвоем! Через полгода узнал об этом директор техникума, удивился, но понял меня и очень помог. Может, это и не по правилам, но устроили мне приемные экзамены вторично. На этот раз я сдал и продолжал учиться, так сказать, на законных основаниях. Диплом защитил с отличием. И, вы знаете, после техникума у меня словно второе дыхание открылось. Главное, работать стало интереснее...

ВОПРОС. Какие, по вашему мнению, еще требования предъявляет научно-техническая революция к рабочему?

ОТВЕТ. Здесь надо, видимо, говорить о целом комплексе требований. Потому что повышение образовательного уровня рабочих немедленно сказывается и на общей его культуре, на его запросах, на его поведении не только на производстве, но и в свободное время, в быту, на улице, в клубе и так далее. Помните, как прекрасно сказал Леонид Ильич Брежнев в докладе на съезде профсоюзов: «Свободное время — это не время, свободное от ответственности перед обществом». Очень верные слова. Научно-техническая революция будит у рабочего творческую мысль и, что очень знаменательно, требует коллективных усилий в творчестве. В нашей бригаде это давно стало нормой. Недавно заказ для Кубы выполняли. Деталь сложная, ажурная, обращаться надо с ней, как с елочной игрушкой, осторожно. Как ее крепить, как избежать вибрации, как обрабатывать? Тут уж пришлось думать всем вместе. Собрали консилиум и проблему решили. Решил бы я эту проблему в одиночку? Может, и сумел бы, но сколько времени и сил затратил, неизвестно. Кстати, наши коллективные усилия и оплачиваются одним коллективным нарядом, то есть заработанные деньги делятся поровну.

— Вас очень ждут на заводе,— говорит Александр Иванович учащимся ПТУ.

ВОПРОС. А не логично ли предположить в этом случае, что такая система в оплате отрицательно скажется на работе того или иного члена бригады?

ОТВЕТ. Нет, не логично. Вся соль в том, что каждый у каждого на виду. И дело-то у нас общее. Чем быстрее мы его закончим и чем лучше, тем быстрее в конце концов мы получим то, что сообща заработали. Но моральный дух в бригаде таков, что, честно говоря, мы просто не думаем о том, сколько получим за ту или иную работу. Буду более точен: не это решает, не это главное... Поверьте, я это не для красивой фразы говорю. Мне грустно видеть, когда великолепный мастер своего дела всю душу вкладывает лишь для того, чтобы побольше заработать. Дело его не интересует, куда пойдет деталь, которую он изготовил, тоже. К сожалению, и такие еще есть. Причем, как правило, в общественной жизни они пассивны. Но их время отходит в прошлое, и чем быстрее они это поймут, тем лучше для них самих и для нашего общества. Я это к тому говорю, что в наше время успехи страны все в большей степени зависят от развития личности рабочего, от его сознательности, кругозора и активности...

ВОПРОС. Какие качества в человеке вы считаете главными?

ОТВЕТ. Добросовестность, чувство ответственности, товарищество и мастерство — вот те киты, на которых стоит и будет стоять наша бригада.

ВОПРОС. На одной из своих встреч с молодыми рабочими вы сказали: мы живем в такое время, когда экономистом должен быть каждый. Поясните, пожалуйста, свою мысль.

ОТВЕТ. Как-то пришлось мне побывать в гостях у шахтеров Нижнего Тагила. Спускался в шахту, осмотрел рудник и карьер. Привез оттуда кусочек железной руды, и сейчас он лежит у меня на столе. Смотрю на него как на драгоценность, потому что знаю: тя-

жел труд шахтера. Он гораздо тяжелее нашего. И как же порою мы сами плохо бережем этот драгоценный металл, не уважаем труд наших же товарищей-шахтеров. Так ведь получается? Мелочь кажется, а начали мы металл экономить, беречь — и громадную выгоду завод получил. Вот и выходит, что мелочей в нашем деле нет. Или другой пример. Станок у нас очень сложный, а ответственную операцию — закрепление инструментов —до недавнего времени приходилось делать примерно на уровне семнадцатого века. Просто кое-как укрепляли обычную доску и работали на ней, балансируя над трехметровой ямой, куда стекает масло и падает стружка. И для жизни опасно и неудобно. Мы предложили сделать оригинальную выдвижную площадку. Механики вначале сочли нашу идею слишком дерзкой, но, проверив внимательно расчеты, согласились с нами. Работать стало удобнее, и несколько лишних минут сберегли. Потом смену решили передавать друг другу, не останавливая станка, и на этой операции экономим иногда более часа рабочего времени. Таких примеров можно много привести. А вы знаете, сколько стоит уральский час? Вот и выходит, что каждый на своем рабочем месте должен быть и экономистом и хозяином.

ВОПРОС. Ваша бригада решила выполнить пятилетнее задание за четыре года...

ОТВЕТ. Да, у нас разработан целый комплексный план. Тут и применение универсальных приспособлений, и работа на один наряд, и сквозной метод труда, и рационализация... Не хочу хвастаться, но дело идет неплохо, и может случиться так, что даже перевыполним свои обязательства. Во всяком случае, нацелены на это.

ВОПРОС. Как вы и ваша бригада готовитесь к 50-летию образования СССР?

ОТВЕТ. Наш завод соревнуется с Ново-Краматорским заводом тяжелого машиностроения. Мы тоже вкладываем свою лепту в общее дело. Думаю, что, кто бы ни победил в этом соревновании, проигравших не будет. Разумеется, мы надеемся на победу и поэтому стремимся работать лучше. Видимо, годовое задание перевыполним...

ВОПРОС. Вы многого достигли в жизни. Можно ли сказать, что это ваша вершина? И если так, что же дальше?

ОТВЕТ. Может быть, это и вершина, но, смею надеяться, не последняя. Однажды Арсений Кириллович Данилович, с которым мы вместе работали больше двадцати лет (он сейчас на пенсии) и которого я считаю своим учителем, мастер спорта по альпинизму, пригласил меня с собой в горы. Когда мы совершали восхождение, мне казалось, что выше той вершины, которую мы покоряли, здесь нет. Но когда достигли вершины, то с нее я увидел вдали еще более высокий и грозный пик. Захотелось покорить и его. Так и в нашей работе: достигнутым остаешься доволен лишь самое короткое время, а потом неизведанное манит дальше, вперед.

Беседу вел Ю. Лушин.

Л. В. Собинов.

Великий русский певец Леонид Витальевич Собинов родился в 1872 году в Ярославле. Учился в Московском университете, готовясь к юридическому поприщу, и одновременно занимался в филармоническом обществе пением. Особенно любил молодой Собинов петь с украинскими хорами, был всегдашним участником их концертов. И первое в жизни его выступление на сцене состоялось в Украинском театре вместе с Заньковецкой, Саксаганским, Садовским и Марьяненко.

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПЕВЦА

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

Леонид Витальевич Собинов — блистательная эпоха в искусстве. Наше поколение чтит, любит его. А в грядущем звучание волшебного голоса Собинова будет жить в творчестве тех, кому определено петь на сцене, в концертных залах, так как искусство пения прежде всего преемственно. Алгеброй нельзя постичь гармонию, и по книгам нельзя научиться петь...

Помогал ли Собинов людям? Помогал! Он давал концерты в пользу студентов, в пользу голодающих, более того, содержал во время первой империалистической войны лазарет на свои средства; в годы гражданской войны — во время многочисленных поездок и выступлений — делился последним с товарищами...

В творчестве Собинов был так же щедр! И хоть сам он говорил: «В Собинове — ничего особенного»,— все же сознавал, что он особенный и что пытаться подражать ему могли только по наивности и ограниченности, то есть могли только «манерничать» под Собинова.

Многие люди были уверены, что Собинов счастлив, многие желали ему, чтобы он был счастлив. Но творческий человек может быть счастлив только при благодушии, а это ближайшая дорога к равнодушию... Нет! Он не был таким. Он был очень подвержен горестным размышлениям о том, что таланту нужно и что не нужно... Благодаря врожденному такту свои огорчения не взваливал на плечи друзей или общества: его видели улыбчивым и ласковым. Но в переживаниях сложной личности всегда чередуются радость и печаль.

Незадолго до ухода из жизни он был просветленным в своих исканиях и в день своего юбилея на сцене Большого театра сказал: «Я свои паруса не сворачиваю!..» Его не волновала проблема, что «не долог срок на земле певцу», волновало другое: как использовать лучше отпущенное человеку время, как осуществить намеченные творческие планы, как шире поделиться знаниями и опытом.

«Полна, полна чудес могучая природа...» — эта фраза не раз звучала в устах Леонида Витальевича... Чудо, что в наши дни Собинов жив. И жив не только потому, что искусство преемственно.

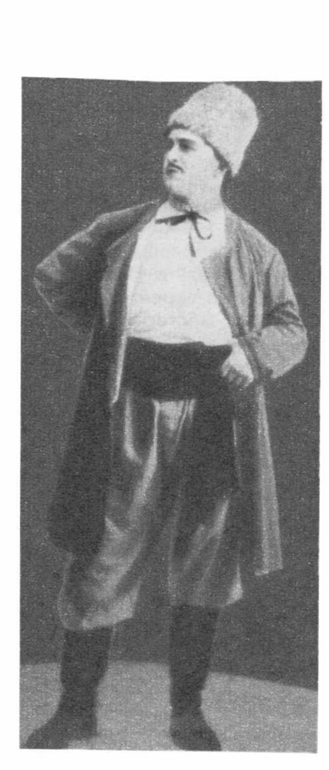
Искренний, поэтический пафос Собинова убеждал, убеждает и будет убеждать. Внешнее, броское, подчас и талантливое, значительно быстрее меркнет, если не совсем исчезает из памяти. А вот то, что высоко звучало — большая мысль в этом звучании,— остается навсегда в памяти, в сердце, в сознании людей...

По существу, Собинов и сегодня является как бы водоразделом в разговоре о том, какой должна быть опера в наши дни, какими путями должна развиваться... Опасность «видимости» в опере весьма очевидна, тогда как опера — это прежде всего пение, музыка...

Леонид Витальевич писал стихи... Одно из стихотворений, «Цветы на снегу», сын Собинова Борис положил на музыку. И сейчас мы хотим записать этот романс на грампластинку как дань славной памяти певца...

Те, кто знал Леонида Витальевича Собинова, с благодарностью произносят: «Спасибо, что ты жил и творил среди нас!» А молодое поколение певцов с благоговением слушает чарующую музыку его голоса в уникальных записях, бережно сохраняемых для потомков...

«Евгений Онегин».

«Майская ночь».

СЛАДКАЯ РАДУГА

Молодость старой фабрики.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

На Павловской улице Москвы, неподалеку от завода имени Владимира Ильича, там, где стоит воздвигнутый рабочими памятник Ленину, поднялся над сохранившимися еще старыми строениями новый корпус.

Этот дом необычен. Он построен рабочими на средства, накопленные предприятием в последние годы...

Утверждаем: продукцию этой фабрики знают и любят у нас все от мала до велика. И не только у нас. Мы — на предприятии коммунистического труда, ордена Ленина кондитерской фабрике «Красный Октябрь».

В приемной директора, словно часовой, у фабричного знамени, украшенного орденом Ленина, стоит 100-килограммовый шоколадный мишка с золотой медалью Гран-при, которой были отмечены изделия фабрики на Всемирной выставке в Брюсселе. Правда, это только брат того мишки, что был на выставке. А тот так и остался в Брюсселе у ценителей искусства советских кондитеров.

Некогда в одном из цехов фабрики несколько лет проработал писатель Николай Ляшко. Его роман «Сладкая каторга» — страшная картина угнетения, бесправия женщин и подростков, тупой жестокости хозяев. Книга рассказывает и о том, как в этой удушающей атмосфере разгоралось и вспыхнуло пламя Октября.

Не узнать теперь старого предприятия, а ему уже 105 лет. Здесь новейшая, самая современная техника, отличные условия труда и быта. Сейчас фабрика выпускает сотни тонн отличных кондитерских изделий около двухсот наименований.

Аромат фруктов и ягод витает в хозяйстве старшего мастера карамельного цеха Василия Баскакова. Мы проходим мимо поточных линий, где буквально в пулеметном темпе летят к заверточным машинам сверкающие струи разноцветной карамели. Неторопливо проходят между агрегатами женщины в стерильных белых халатах и платочках. Здесь уже как-то несовременно звучит слово «завертчица». Скорее, это оператор, повелитель хитрых, сложных машин.

Василий Кузьмич рассказывает о любимом деле, которому отдано полстолетия, и выкладывает из шкафов и коробок образцы своих произведений.

Сладкой радугой расцветает стол, а Василий Кузьмич с понятной гордостью добавляет сюда все новые образцы из своей «конфетотеки». Зеленые, золотые, красные, белые звезды загораются в руках мастера. Вот у этих пока еще нет названия — 42-й вид карамели, созданный Баскаковым.

Здесь можно сделать для себя немало открытий. Ну кто бы, например, мог подумать, что для получения оригинального вкуса кондитерского изделия иной раз бывают необходимы не только сахар, сливки, какао, различные пряности и эссенции, но и хлористый натрий, та самая поваренная соль, которой мы приправляем суп и другие блюда.

В каждом цехе можно выпить чайку или кофе, а вот дегустаторы, чинно усевшись за громадным столом, запивают новое изделие глотками чистой горячей воды...

В помещении, пронизанном светом, увидишь пульт с цветными лампами и переключателями, схожий с приборным щитом радиолокатора. Это «голова» одной из поточных линий шоколадного цеха. К сластям вплоть до упаковки не прикасаются руки человека...

Но вернемся в дом на Павловской. Всю семью Бровкиных, ветеранов-краснооктябрьцев, мы застали в их новой квартире. Бригадир слесарей Александр Александрович возился с металлом — налаживал замки, арматуру. Его жена, бригадир конфетного цеха Надежда Павловна, и дочь Наташа наводили блеск на стекла широких окон. В ответ на поздравление с новосельем Надежда Павловна от имени семьи попросила на страницах журнала выразить благодарность руководителям фабрики за заботу и внимание.

Сверкающий ирисный цех.

Некоторые из сотен образцов сладкой продукции «Красного Октября».

Лиза Обноскина и Таня Юдочкина с детищем шоколадного цеха — знаменитым стокилограммовым Мишкой.

МОЯ ЭРИКА

Десятый год я преподаю немецкий язык в Молоковской средней школе Калининской области. У меня есть очень хорошая подруга в ГДР. Зовут ее Эрика Циклер. Эрика преподает русский язык в Эйзенахском педагогическом училище, более 20 лет член Социалистической единой партии Германии. В училище она руководит отделением Общества германо-советской дружбы, куда входят все студенты и преподаватели. Моя подруга ведет очень большую работу по укреплению дружбы между нашими народами. Вот строки одной немецкой газеты: «В Эйзенахском педучилище постоянно и целенаправленно работает Общество германо-советской дружбы под руководством педагогов Эрики и Вилли Циклер. Не проходит ни одного памятного дня или праздника наших друзей, которые не нашли бы своего отражения на занятиях или во внеклассной работе. Более половины всех студентов переписываются со сверстниками из Советского Союза. Особенно сердечные узы связывают училище со средней школой в Молокове и со студентами факультета иностранных языков Калининского пединститута».

Под руководством Эрики Циклер в педучилище оборудован отличный кабинет русского языка. Там выставлены многочисленные сувениры и подарки советских друзей, среди которых немало и из нашей школы.

Эрика часто организует встречи с туристами из нашей страны. Об исключительной сердечности этих встреч говорят многочисленные отзывы в альбоме дружбы.

«Кто говорит о солидарности и дружбе между народами, тот говорит также об Эрике Циклер. Она преподаватель русского языка, всегда готова во имя дружбы отправиться в путь. Едва подведены итоги последней поездки в Москву, как Эрика уже готовит новую»,— писала «Немецкая учительская газета».

А другая немецкая газета сообщала: «За долголетние образцовые успехи в преподавании русского языка по случаю 25-летней годовщины со Дня освобождения от фашизма преподаватель русского языка училища города Эйзенаха Эрика Циклер награждена Центральным правлением Общества германо-советской дружбы золотой медалью Иоганна-Готфрида Гердера.

Эрика Циклер принадлежит к тем педагогам, для которых основой воспитательной работы стало углубление дружеских связей между ГДР и СССР».

А началось наше знакомство так. В 1964 году я в составе комсомольской туристической группы ездила в ГДР. В Оберхофе познакомилась с преподавателем марксизма-ленинизма Эйзенахского училища Бруно Штейнбрюком. Мы обменялись адресами. Товарищ Штейнбрюк передал мой адрес своей коллеге Эрике Циклер, и с 1965 года началась наша переписка. С каждым годом эта переписка становилась все более оживленной и сердечной. Мы очень хорошо понимали друг друга. Я проникалась все большим уважением к своей далекой подруге, каждое письмо которой говорило о любви к нашей стране и к русскому языку. У нас обеих появилось непреодолимое желание познакомиться.

И вот в августе 1967 года по приглашению моей подруги я приехала в гости к ней. На вокзале в Эйзенахе и произошла моя первая встреча с Эрикой, с ее мужем Вилли, преподавателем физики в педучилище, и с их сыном Дирком. С первых же минут этой встречи между нами установилось такое удивительное взаимопонимание, как будто мы были знакомы очень давно. Члены семьи моей подруги — исключительно милые и деликатные люди. Они создали такую простую и сердечную обстановку в своей семье, что я чувствовала себя у них совсем как дома. Этому немало способствовало и то обстоятельство, что в квартире Эрики очень много русских книг, сувениров, грампластинок.

Мы ежедневно осматривали богатый достопримечательностями город и его сказочно красивые окрестности. Я, конечно, навестила также и семью моего первого эйзенахского знакомого, Б. Штейнбрюка. Две недели в Эйзенахе промчались незаметно. Я настолько сдружилась с Эрикой и с ее семьей, что мы договорились встретиться на следующий же год.

И вот через год я вновь в гостях у Эрики. На этот раз у меня было официальное приглашение на выпускной вечер в Эйзенахское педучилище, с которым наша Молоковская школа на протяжении нескольких лет вела оживленную переписку. Этот вечер — один из наиболее впечатляющих эпизодов моего пребывания в ГДР. До сих пор память сохранила все до мельчайших подробностей.

...Вот мы с Эрикой входим в древний замок Вартбург. Парадный зал Вартбурга заполняют студенты и преподаватели. Выпускников поздравляют с успешным окончанием училища, дают добрые напутствия и вручают дипломы. Затем начинается праздничный концерт. И вдруг я слышу: «В честь присутствующей на нашем вечере советской гостьи хор исполнит песню «Родина моя» на русском языке». После великолепного исполнения песни девушка в синей блузе члена ССНМ вручает мне букет красных гвоздик. Все это так трогательно, что слезы невольно навертываются на глаза. По окончании торжественной части в кафе Вартбурга преподаватели празднуют окончание учебного года и провожают на пенсию моего старого знакомого Б. Штейнбрюка. Директор педучилища Фриц Штессель говорит, что в училище, как и во всей стране, высоко ценят дружбу между советским и немецким народами, что преподаватели и студенты гордятся своими связями с Молоковской школой. Затем он передает ценный подарок нашей школе. Я произношу ответную речь на немецком языке и вручаю наши подарки. Это был незабываемый день!

И еще мне очень запомнился вечер дружбы, подготовленный студентами I класса педучилища, который переписывался с нашим девятым классом, где я была классным руководителем. Вечер прошел очень весело и сердечно.

Вот уже пять лет подряд Эрика приезжает в качестве туриста в Москву. В первый раз она приезжала одна, а потом вместе со студентами и преподавателями. У них в училище стало доброй традицией ежегодно направлять в Москву группу студентов и преподавателей. Так, в 1970 году в Москву приезжали 22 студента и 4 преподавателя во главе с Эрикой Циклер. В феврале этого года Эрика вновь была в Москве вместе со студентами и своей коллегой Ханнелорой Раух, приезжающей к нам уже в третий раз. На эту встречу я ездила вместе с двумя членами нашего клуба интернациональной дружбы, которым руковожу несколько лет. Встреча, как всегда, была очень теплой. Эти личные контакты, без сомнения, способствуют укреплению дружбы между нашими учебными заведениями и между нашими народами.

Молоково, Калининской области.

Зинаида ДАВЫДОВА

Вечером после новоселья в новом доме на Павловской...

Фото 1932 г.

Семен КИРСАНОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

ОТ САМ

Сегодня мы публикуем стихи С. И. Кирсанова, написанные им в разные годы. Ни одно из них не было напечатано. Почему? На этот вопрос поэт ответил так: «Во все дни моей полувековой поэтической жизни всегда случалось, что новая мысль, новая необходимость что-то создать опережала вчерашнюю. Увлеченный новой идеей, я забывал, что есть стихи, поэмы, драматические пробы, которые ждут обнародования. Теперь я начал разбирать свой «запасник» и надеюсь собрать эти произведения в отдельной книге».

Сеча

Говорят, вы
у застав княжьих
глубоки, рвы.

Говорят, вы
на щитах вражьих
больно злы, львы.

Черный крик воронов,
бердыши воинов,
частокол пик.

Счастья бог не́ дал,
тьма сошла с неба
на Христов лик.

1922.

Весна

Вот погода мартовая,
вот, сдувая стужу,
из зимы выматывает
ледяную душу.

Нет такого края мне,
нет конца такого,
где б я не был таяньем
бурно атакован.

Мы опять прихварываем,
кашляем и таем,
стала жизнь — аквариум,
рыбка золотая!

Быстро сносит с города
тонкий лед морозца,
нету сил у холода
с теплотой бороться.

Нет такого края мне,
нет конца такого,
где б я не был таяньем
бурно атакован.

1928.

Новая скорость

Медленная, едва поворачивающаяся, гиппопотамья жизнь, стопудовую ногу с трудом из болота вытаскивая, знала свое на обсиженном месте тупое топтанье, двигалась, как подвигалась столетья стена китайская. Ее придерживал кучер — медальный царь император, грузный комод в упряжке гремел дорожною утварью, столетний сип самовара, единственного аппарата из вида машин паровых, царил от утра до у́тра.

Как медленно, невыносимо, замедленной долгой съемкой на час повисая в воздухе, прохожий делает шаг! И воздух густ как варенье, тяжелый, липкий и емкий, и медленно раздувается суконный его пиджак.

Жизнь! Млекопитающее, еще допотопной медленности! Ужас — с тобой равняться, секундами дольше лет. Ногу тянуть за ногой, из патоки вязкой след донести, медленно ногу вытаскивая, всасывается след...

Ракеты!
Сюда —
дрожа и рыча,
молнией вытянутого сле́да —
скорость света,
скорость луча,
скорее, скорее,
скорей сюда!
Я опоздаю
(секунда одна),
мне только эфирная
скорость годна,
я должен за эту секунду поспеть
с тобою увидеться,
песню спеть,
побыть на Ямайке,
заехать на Рейн,
за девять десятых секунды —
скорей!
Скорость луча,
сюда, сюда,
в тайфуны, в сирокко,
в муссоны, в пассаты!
Я должен увидеть
сады и суда,
Южные Штаты,
Кавказа стада
за восемь,
за семь
секундных десятых!

Влетаю искринкой
в радугу брызг.
Земля,
кружись не стопо́рясь!
Да здравствует риск,
диск искр!
Да здравствует Новая Скорость!

Держите в руках быстроту — дороги
железные нудны,
автомобиль — улитка, тоннель — досадная
щель.
Сегодня даже в одну десятую долю
секунды
можно успеть миллион замечательнейших
вещей.

1932.

Орел

Летел орел. Угол крыл рассекал пыль
капель.
Тепел и смел, плыл, взмахивал и шел в
спираль.
Глаз искал гроз, глядел вниз. Заметил —
перепел.
Орел покинул купол, закружил и — в дол!
Перепел затрепетал...
Орел пил а́лое, вдоволь. Выпил,
посмотрел, тряхнул
хохол и поднял тело. Выкрикнул и
воспарил в
колокол гроз. О, орел!

1932.

Лорелей

Что бы это такое?
Мне что ни ночь трудней.
Мне не дает покоя
Сказка минувших дней.

Холодно. И темнеет.
И движется Рейн во тьме.
В закатном пожаре тлеет
Скала на зеленом холме.

В платье из чистого золота
Девушка там видна.
Свои золотые волосы
Расчесывает она

Багряно горящим гребнем,
И песню она поет,
И, видно, творилась в небе
Мелодия для нее.

Юноша в лодке узкой
Не видит камней и вех.
Он, околдованный музыкой,
Смотрит только вверх.

Увы! Поглотит пучина
Гребца среди камней.
И этому причина
Песня Лорелей.

1937.

Моя жизнь

Я молод был, я голод был,
я ел глазами бытие,
я каждой девочке грубил:
«Отдайся!»,— но не брал ее.

Я жрал глазами все цвета,
я слухом лопал плеск и свист,
и шелест каждого листа
я превращал в блокнотный лист.

Я был своим на площадях,
где воробьи справляли пир,
в киношки зайцем проходя,
я вышибал ногою мир.

Я думал — пан или пропал,
когда в раскатах майских гроз
на жизнь, как печенег, напал,
взвалил на лошадь и увез.

А жизнь, невольница моя,
глядит, усмешки не тая,
как я трублю, как я грублю,
как я беспомощно люблю...

1938.

ДО САМ

ЫХ РАННИХ

Павлу Васильеву

**«Я тебя тогда любила,
а теперь прощай,
на дорогу положила
махорку и чай.
А сейчас люблю другого,
прощай, не серчай».**

**«Ты меня тогда любила?
А теперь «прощай»?
На дорогу положила
махорку и чай?
Ну, так что ж, люби другого,
прощай, не серчай».**

Прочтено было мне П. Васильевым,
не напечатано, но запомнилось.

Я вчера пришла к хорошему,
к золотому своему.
Пусть все будет по-хорошему —
так сказала я ему.

Я сказала: слезы видишь ли?
Горе видишь ли мое?
Он ответил: это, видишь ли,
дело, видишь ли, мое.

От свиданья до свидания
шло как будто ничего,
а теперь на «до свидания»
не ответил ничего.

1938.

Слова, которые...

Слова, которые звучали,
вы в пустозвонстве обличали.
Теперь мы славим немоту,
и еле слышность, еле внятность,
намеков мнимую понятность
спешим поднять на высоту.

Не клавикорды и не трубы,
не барабаны — только губы
сказать способны, не звеня,
все, что вернет к тебе меня,
их округленье и раскрытье
и скрытность, и опять открытье,
как луч светающего дня.

Произнесенные без звука
слова, где счастье или мука,
в движениях безмолвных губ,
их приоткрытость — и опять я
предвижу быстрые объятья
и пенье ангельское труб.

Благодарю твое молчанье,
оно случилось не случайно,
оно избавило от фраз,
оно назначило свиданье,
в котором я узнал признанье
открытых губ, закрытых глаз.

1939.

Предчувствие

Перед зимой не знают,
что мир перед зимой,
что тихо подмерзает
дождливый шар земной,
что Арктика метели
разносит на холмы,
что ровно две недели
осталось до зимы.

Сегодня очень часто
смеялись мы с утра,
мы очень много счастья
устроили вчера,

стихов понаписали,
прочли по десять раз
и в танцевальном зале
смотрели в десять глаз.

А завтра... «Правда» выйдет,
ударит июньский зной —
перед войной не видят,
что мир перед войной.

1941.

Атака

1

Браточек, браточек, приказ — подыматься.
Пустили ракету, летит золотая.
Приказано встать, а фугасы германца
дымятся и рвутся, сюда залетая.

2

Приказ — подыматься, а руки не могут.
Душа не пускает, не тянутся ноги.
То мина немецкая взроет дорогу,
то вздыбится взрыв у избы на пороге.

3

Сейчас подымусь, проползу полсажени.
К земле прилипают магнитные руки.
Сегодня сильней у земли притяженье,
прижала и держит — до боли, до муки.

4

Чего материшься, да я ж подымаюсь!
Опять над ушанкою смерть просвистела.
А то, что я к глине опять прижимаюсь, —
так липнет к земле мое потное тело.

5

Браточек сержант, я секунду — и встану.
Я только оправлю одежу в воронке,
а если и ранит, а ну ее, рану,
заткну и залягу от боя в сторонке.

6

Вот десять шагов пробежал от окопа,
тут топкое место, мокредь и вода ведь.
И воздух сегодня тяжелый особо,
он голову под ноги клонит и давит.

7

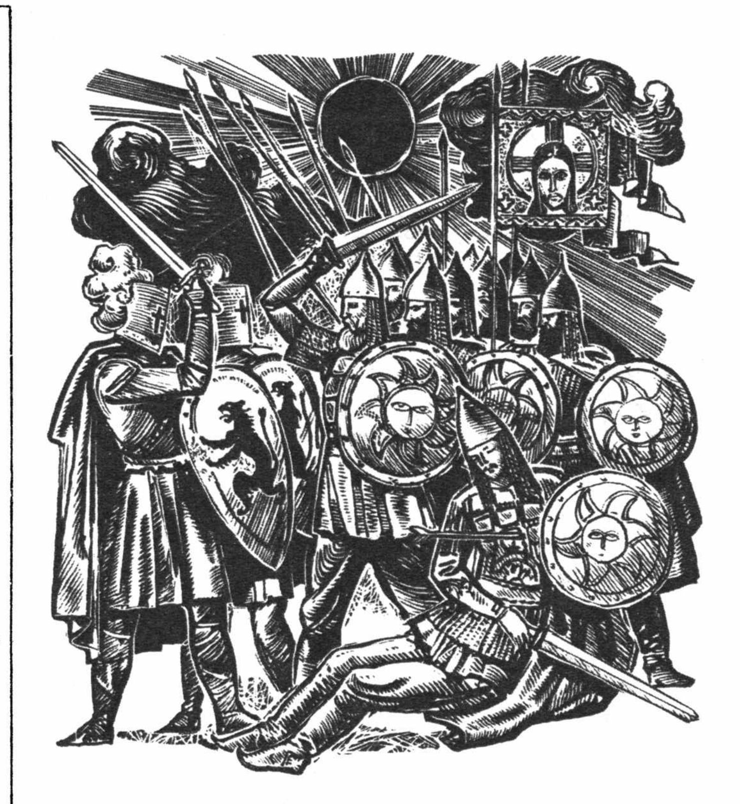
Товарищ сержант, погоди, не качайся,
я всех поведу, полежи среди кочек.
Пойдем в штыковую, а ты не кончайся,
придем, перевяжем, помедли, браточек.

8

Чего залегли? О присяге забыли?
Уткнулись губами в нутро земляное.
Вставайте, ребята, сержанта убили,
кричите «ура» — и за мною, за мною.

9

Ну вот я иду не пригнуто, а стоя.
Да это же вещь — поучаствовать в деле!

ЫХ ПОЗДНИХ

ОТ САМЫХ РАННИХ ДО САМЫХ ПОЗДНИХ

Тут десять шагов, полминуты, пустое!
На проволку, братцы, кидайте шинели.

10
В траншею, давай, бей штыком и гранатой
и по два поганца берите на брата...
Опять меня тянет к земле непримятой.
Письмо в гимнастерке... Отправьте, ребята...

1941.

Частушка

В тех местах, где слушал Пушкин
песни русских деревень,
я слова простой частушки
записал про черный день:

«Я сегодня рано встану,
полечу в германский бой,
повяжу залетке рану
своей лентой голубой».

Все ли просто в песне этой?
В жизни бинт предельно бел,
почему же, ставши лентой,
белый бинт поголубел?

На полях тела убитых
глиною облеплены,
раны ж смертные увиты
голубыми лентами.

Им, убитым, неизвестно —
голубой ли, белый цвет...
В жизни все не так, как в песне,
а без песни жизни нет.

1942.

«Мы»

1
Боец умрет без некролога.
Бойца снегами замело.
Но песня, покружив немного,
подсадит душу на крыло.

Где будет нам спокойно житься,
и жито встанет у межи —
все будет песенка кружиться
и намекать, что он лежит,

и улетать, и возвращаться,
напоминая без конца,
что людям надо попрощаться
с душой погибшего бойца.

Однажды людям больно станет,
возникнет памятника медь.
Душа в литые буквы встанет,
и песня сможет улететь.

2
Большие, чистые глаза
открыла новая страница.
Я не обмолвился, сказав:
«Где будет нам спокойно житься».

Надежда жить после войны
так велика, так уверяет,
что все солдаты ей верны,
и с той надеждой умирают.

Мундир за двести лет истлел,
и сколько б ни сменялись травы —
мы говорим, как при Петре:
«Мы били шведов под Полтавой».

Как будто это свой рассказ
ведет вернувшийся с позиций,
отсутствующий среди нас
солдат с напудренной косицей.

Желтеют братские холмы,
но «мы» опять звучит, как ране.
Неумирающее мы
стоит привалом на кургане.

1942. Фронт.

В госпитале

Солдат лежит, в наркозе замирая.
Его подушка бережно несет
по отмелям расплывчатого рая,
по облакам беспамятных высот.

Бездумный, обезболенный и сонный,
он спит, врачам и сестрам дорогой.
Его несут из операционной
с приподнятой, спасенною ногой.

Из беспощадных судорог сраженья,
когда пробил осколок его шаг,
он вынес ощущение рожденья
на ласковых носилках и плечах.

Довольный шепот в белых коридорах.
В палате — осторожные шаги.
Так санитаркам и хирургу дорог
грудной ребенок раненой ноги.

1942. Фронт.

В дни Хиросимы

1
Алхимик чистил старый тигель,
скреб мастехином ржавый шлак.
Будильник деревянный тикал,
клепсидра каплями текла.

Все было высчитано раньше,
все получилось, все сошлось,
огонь был зелен и оранжев,
и воздух полон пчел и ос.

Жужжит в горячем тигле трутень,
плывет сиреневый дымок,
и превратилась капля ртути
в зелено-золотой комок.

Недаром столько лет стараний!
Огонь посыпался дождем,
алхимик закричал:— Ураний!
Открыт, рожден, освобожден!

Но этому три века ровно.
И вновь от тайны ни следа.
На дне сосуда глазированного
она потухла навсегда.

Алхимик вызывает духов,
он чертит круг, кружится сам,
но все вокруг мертво и глухо
к его магическим словам.

— Ураний,— он взывает,— Атом!
как будто жаждет в двух словах
предупредить своим заклятьем
взрыв на японских островах.

2
Желтым трупом остров Хонсю
смотрит странно и раскосо.
Раскрывает перепонку
парашютная вискоза.

Умирают крабы, рыбы,
истлевают травы, вишни,
выкипают реки, реки,
исчезают птицы, змеи.
Догорают дети, дети.

Хиросима, Хиросима,
боже, как невыносимо!

3
Вы слышали ужасные слова?
Повисло в небе Солнце № 2 —
искусственное, грибообразное.
Все стало от жары газообразное,
все сжалось и расплавилось внутри...
Чем черт не шутит в нашем милом мире,
за этим будет Ужас № 3
и Хаос — мрак под номером 4.

4
Мир начат Этною урана.
Я так и думал, так и знал.
На острове дымится рана —
сожженной кожи белизна.

Исчезли пестрые колибри,
и небо сплошь обожжено,
сгорели будды, и погибли
живые куклы в кимоно.

Дымит вулкан необычайный,
висит пылающая гроздь,
дух солнца мстит за кражу тайны
из золотого сейфа звезд.

И все же: в мчащемся протоне
сокрыт не мстительный Вулкан,
и к нам еще придет Плутоний,
как добродушный великан.

И Атомы, раскинув дуги
над станциями звездных трасс —
как дружественные духи,
послужат нам, полюбят нас.

5
Карлик-мир, карлик-мир
содрогнул земную ширь.

Где упал кусок урана,
жизнь — обугленная рана.

Все изрыл, и опалил,
измельчил, и распылил,

и оставил отпечаток
рук, как содранных перчаток.

Атом стал гигантским катом!
Но когда ж он станет братом?

Но когда давать пиры
станут карлики-миры?

Каждый день для всех на свете
на закате, на рассвете?

О, когда, когда, когда?
Неужели никогда?

6
Качнулось, вздрогнуло морское дно.
Второе Солнце над Землей сверкнуло.
Я горд за человечество! Оно
своих надежд не обмануло.

Еще в ушах звучит глухой набат,
злодейства еще необъяснимы.
Но Атом (и Эйнштейн) не виноват
в незаживающих ожогах Хиросимы.

И не обвалом рушащихся глыб
и не тараном, громовым раскатом,
бессмертной мыслью — штурмом взят Олимп,
запрятавшийся в атом.

Пусть боги сходят с выспренней горы!
Недаром в клетки маленьких делений,
как в Зоосад, жестокие миры
войти заставил Менделеев.

Теперь мы будем звезды отпирать,
теперь мы сами заживем богами,
теперь мы будем небо попирать
своими полновластными ногами.

Не на одном лишь горном валуне
отважный парень с альпенштоком встанет,
с рюкзаком он пройдет и по Луне
и там свой трос над кратером протянет.

Да, нам грозят мильонами смертей
и гибелью от взрыва неотложной!
Мы ж знаем: наш товарищ Прометей
к Америке прикован ненадежно.

На то и мы, чтоб цепи разбивать
стотонных танков, дотов из бетона
и Прометеев пламень раздувать
в миниатюрных кузницах протонов.

1945.

Стихотворение

Товарищи,
сердце стареет,
все глуше оно, все слабей.
И просит меня: «Поскорее
скажи кое-что о себе».

Мне ночь не страшна,
и, поверьте,
сейчас, на земле, наяву
я жив не тревогой о смерти,
я будущим вашим живу.

Я счастлив, что кончился ужас,
что мин уже нет на полях,
и, мертвый, я вновь нахожу вас
гуляющих там,
в тополях.

Прикинувшись деревом старым,
неузнанный,
я узнаю,
что бродите вы по бульварам,
любовь обнимая свою.

И знаю:
не быть повторенью
ни жизни моей, ни любви.
Так радуйтесь стихотворенью,
где живы и любите вы.

1946.

На стадионе

Все исчезает, глохнет, тонет
в азартном реве:— Кто обгонит?

Я ж изучал среди барьеров
паучью жизнь секундомеров.

Я наблюдал с трибуны людной
погоню Стрелки за Секундой.

Она стрелой без оперенья
гналась за жертвой по арене.

И понял я Секунды участь —
ее отчаянье и ужас

перед бегущим вкруг дороги
ее убийцей Одноногим.

Одно деление осталось.
Убийце недоступна жалость.

Толпа ревет железной гончей:
— Ударь, добей ее, прикончи!

Все кончено. Она убита.
Черта рекордная побита.

И этот миг, и жизнь — химера:
деление секундомера.

1960.

Долгий дождь

Дождь идет, дождь идет.
Молодую догарессу
старый дож ведет.
Через душную Одессу,
полумертвый порт
молодую догарессу
старый дож ведет.

Через дымную завесу
(где разбитый дот)
в тыл, к расстрелянному лесу,
мокрый Додж идет,
парень держит пулемет,
дождь идет, дорога к лесу.
Молодую догарессу
старый дож ведет.

Он прижал к лицу ладони,
мокрые от слез.
Донна Лючия — в короне
солнечных волос!
По разбитым бомбой рельсам
пулковских высот
в гимнастерке догаресса
через дождь идет.

Боже, свадебное ложе
тот же эшафот!
Додж идет. В Палаццо Дожей
хлещет пулемет.
Парни в вымокшей одеже
Доджа ведут на дот.
В золотой собор на мессу
молодую догарессу
старый дож ведет.

Это с ними, или с нами
долгий дождь идет,
беспорядочными снами
войн и непогод,
с Моста Вздохов по дороге,
оскользясь об лед,
поседевший, одинокий,
старый дож идет.

1971.

Реквием

Смерти больше нет.
Смерти больше нет.
Больше нет.
Больше нет.
Нет. Нет.
Нет.

Смерти больше нет.
Есть рассветный воздух,
узкая заря.
Есть роса на розах.
Струйки янтаря
по коре сосновой.
Камень на песке.
Есть начало новой
клетки в лепестке.
Смерти больше нет.

Смерти больше нет!
Будет жарким полдень.
Сено, чтоб уснуть...
Солнцем будет пройден
половинный путь.
Будет из волокон
скручен узелок.
Лопнет белый кокон,
вспыхнет василек —
смерти больше нет...

Смерти больше нет —
родился кузнечик
пять минут назад:
странный человечек
зелен и носат,
у него, как зуммер,
песенка своя...

Оттого что я —
пять минут как умер.
Смерти больше нет!
Смерти больше нет.
Больше нет.
Нет.

1972.

ТЕАТР

ЧТО ТАКОЕ ЧИНЧРАКА?..

«Чинчрака... А что это такое?» — недоумевают поначалу юные зрители у афиши Центрального детского театра. Но вот они входят в фойе, берут программку, и кое-что сразу же проясняется. «Комедия-сказка в двух действиях»,— возвещает программка. Добавим: музыкальная, красочная сказка с самыми разными героями: тут и добрые звери, и трусливый Царевич, и ужасный волшебник Бах-бах Дэв, и коварный Визирь.

Тут, наконец, и сам Чинчрака — храбрый, никогда не унывающий паренек, герой комедии Г. Нахуцришвили, спасающий царевну Лали от преследований злых недругов. «Опасные» приключения Чинчраки — А. Хотченкова и Лали — И. Муравьевой сопровождаются веселыми песнями, сочиненными А. Николаевым и Ю. Михайловым; все герои постановки (режиссер Леонид Эйдлин) танцуют и поют по ходу событий. А эти события развиваются стремительно. Не помогут Бах-бах Дэву — его играет народный артист РСФСР И. Воронов — ни хитроумный Советник — В. Александров, ни многочисленная свита, ни даже волшебный ковер-самолет. В конце концов Чинчрака и Лали побеждают всех своих врагов, как это и водится в любой хорошей и умной сказке...

Н. МИХАЙЛОВА

•

КИНО

ДВА ДЕБЮТА

Фильм еще не вышел на экраны, но, пожалуй, можно уже сказать о нем, что он интересен. И прежде всего интересен двумя дебютами. Мариус Лиепа, один из ведущих артистов балета Большого театра Союза ССР, впервые снялся в кино. Он здесь не танцует, а, как «простые смертные», ходит и ездит верхом. Каков его князь — об этом скажут в свое время зрители и, конечно, критика... Но как бы там ни было, открытие Лиепы — актера драматического — событие, в нашем искусстве примечательное... Тем более что сделал это открытие тоже дебютант в художественном кинематографе — выпускник Всесоюзного государственного института кинематографии Валерий Рубинчик... Любопытно, что сам Валерий пришел на «Беларусьфильм» рабочим; стал ассистентом, потом помощником режиссера, поступил во ВГИК и, наконец, с дипломом кинорежиссера вернулся на «Беларусьфильм».

Широкоэкранный цветной фильм «Могила льва» сделан по мотивам белорусской легенды. Кроме Лиепы, в главных ролях выступают Валентина Шендрикова, прекрасно сыгравшая недавно Корделию в фильме «Король Лир», и Олег Видов.

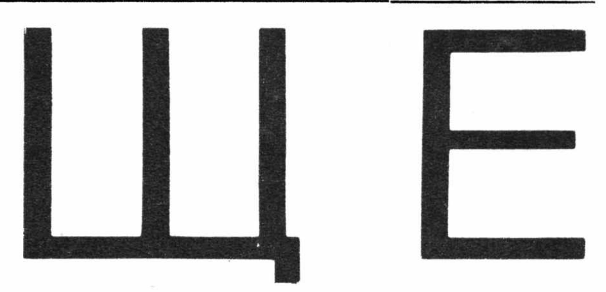
А. ЩЕРБАКОВ

На снимке: М. Лиепа в роли князя в фильме «Могила льва».

Екатерина Александровна Радкевич.

Фото А. ГОСТЕВА.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Мы сидим на перевернутой рыбачьей лодке. У самых ног что-то бормочет море, набегает на берег, треплет оторванные водоросли.

За нашей спиной тепло светится розовое здание Дальневосточного геологического института. Екатерина Александровна Радкевич — директор этого института, член-корреспондент Академии наук СССР. У нее много научных трудов. В институте работают ее ученики. Она Герой Социалистического Труда, удостоена двух орденов Ленина.

Мы смотрим на море и молчим. Я не знаю, о чем думает Екатерина Александровна, а я думаю о ней, пытаюсь сформулировать для себя, что же самое главное в характере этой женщины, почему встреча с ней — яркое событие. Почему?

ГАЙРАТХОН

Легенда о Гайратхон — русской девушке Кате — рождалась на глазах. Гайрат по-узбекски значит сила, энергия. «Днем и ночью ходит, никогда не устает, ничего не боится»,— передавалось в базарных чайханах об этой белоголовой, голубоглазой, тоненькой девушке. Совсем еще юная Катя Радкевич вместе с другими студентами-комсомольцами была направлена в Среднюю Азию помогать организовывать колхозы. Нелегкое это было дело. Выстрел в безлюдных горах, удар ножом в спину — так мстили баи. О том времени рассказывал мне потом президент Узбекской Академии наук, теперь уже покойный Хабиб Мухамедович Абдуллаев, а в те далекие годы он работал учетчиком в одном колхозе с Катей Радкевич. Удивительно начинались пути двух будущих геологов!

Свое прозвище «Гайратхон» Катя Радкевич оправдала и в первых геологических экспедициях по Средней Азии. Поиски свинца и цинка, столь нужных стране, требовали не меньшей энергии и мужества, чем организация колхозов.

Раз группа геологов (и Катя с ними) переправилась через быструю реку Мук-су и не смогла из-за подъема воды вернуться обратно на базу. Группа оказалась отрезанной от экспедиции, ждала связных, которые должны были прийти кружным путем, ждала помощи. Посланец вернулся со страшной вестью: экспедицию разгромили басмачи, товарищи погибли. Ночами, скрываясь, неся в тяжелых рюкзаках найденные образцы, пробирались геологи вдоль Алайской долины к реке, где, к счастью, встретились со спасательным отрядом, посланным на их поиски.

Нет, Екатерина Александровна не рассказывала мне об этом периоде своей жизни. Мало того, она твердо убеждена, что ее героическая юность не имеет никакого отношения ни к ее работе геолога, ни к ее труду ученого. И убедить ее, что это не так, что нельзя жизнь человека, его характер разложить «по полочкам», невозможно.

Эти интересные факты я узнала в Приморском издательстве, где подготовлена к печати рукопись Радкевич — рассказ о труде ученого, о сложной, напряженной работе геолога. Екатерина Александровна пишет и о том далеком периоде, когда советская геология только начиналась и каждый шаг этой науки был связан с риском и открытиями.

Многих из тех, кто принимал участие в первых геологических экспедициях, сейчас нет в живых, и Радкевич воздает должное памяти своих учителей и товарищей.

Я перелистывала страницы, и скупые, сдержанные фразы оживали, находили продолжение в моем воображении...

...Вот маленький кишлак вблизи рудника Шор-су в Лякане. Раннее-раннее утро.

«Вставай, в кишлаке басмачи»,— неестественно спокойно обращается к еще спящей в палатке Кате Радкевич прораб экспедиции. Слышны выстрелы.

Геологи присоединяются к маленькой горстке бойцов местной народной милиции. Укрепившись на крыше дома, они готовятся принять неравный бой. В этот момент, когда их положение кажется уже совершенно безвыходным, их выручает отряд вооруженных рабочих с рудника. Басмачам приходится бежать.

Отряд возвращается на рудник, а отважная троица геологов остается продолжать работу...

Осенью тридцать первого года в Ташкент приезжают Александр Евгеньевич Ферсман и Дмитрий Иванович Щербаков. Радкевич показывает свои находки знаменитым геологам, рассказывает о результатах полевых исследований, и Ферсман предлагает ей поступить в аспирантуру его института.

Через год она уже в Ленинграде, темой ее аспирантской работы стал «Ляканский район и его рудопроявления». О басмачах, стрельбе, смерти товарищей в диссертации, естественно, ничего не говорилось, но писала ее все та же Гайратхон. Екатерина Радкевич не знала тогда, как ее мужество, сила, энергия еще пригодятся ей в жизни.

...Это случилось на Дальнем Востоке, в Ольгинском районе. На повороте шофер открытого «газика», в котором ехали геологи, стал переключать скорость. Вдруг машина поползла назад и покатилась под откос...

Екатерина Радкевич очнулась от крика. В ужасе кричал кто-то из ее спутников. Что произошло, она понять не могла. Все было черно. Подняться с земли, даже на бок повернуться не удавалось. «Почему я ничего не вижу? Неужели ослепла?»

Операция длилась около трех часов. Много решительности понадобилось молодому врачу, чтобы, промыв раны, начать их зашивать. Он наложил на лицо 150 швов!

Екатерина Александровна была в сознании. «Даже если ослепла, я должна жить»,— повторяла она себе. Она думала о сыновьях. «Радик уже большой, а ведь Митька такой маленький!» И она с врачом во время операции еще шутила! «А ресницы вы мне пришили?» «Да, собрал кое-что по кусочкам, да вы не волнуйтесь, если не хватит, пришью ресницы теленка, будут длинные, как у кинозвезды».

На другой день Екатерина Александровна

ДРОСТЬ

писала в письме матери: «Дорогая мамочка, работа идет интересно, обо мне не тревожься».

Когда она выводила эти строки, соседка по палате направляла ее руку...

А теперь на минуту представьте: как могла чувствовать себя в эти дни молодая, красивая женщина, понимающая, что с ней произошло? Какие мысли преследовали геолога, потерявшего зрение?

И случилось невероятное, почти чудо. Так велики оказались ее мужество, сила, энергия, что она поправилась, что вместе со зрением к ней вернулась былая жизнерадостность и привлекательность.

...Недаром когда-то узбекские колхозники назвали молоденькую русскую девушку Катю — Гайратхон.

* * *

— Екатерина Александровна, здравствуйте, а мне сказали, что вы еще в больнице. Как нога? Гипс сняли?

К нам подходит мужчина лет сорока, в теплой куртке и спортивных брюках. Он работает тут же, в Дальневосточном научном центре, но давно не видел Екатерину Александровну — она лежала в больнице. Их разговор как-то очень естественно переходит на геологию.

Екатерина Александровна меняется на глазах. Еще несколько минут назад она была как потухшая лампа. А сейчас как бы осветилась вся изнутри.

Нет, не только мужество — основная черта ее характера, думаю я. Главное — это талант ученого.

ЛЮБОВЬ К ГЕОЛОГИИ

Екатерина Александровна Радкевич — один из авторов монографии о геологии олова. И хотя с момента написания этой книги прошла четверть века, монография по-прежнему остается основой всех поисковых работ. Уже одного этого достаточно, чтобы внести большой вклад в геологию, науку, которой Радкевич посвятила почти сорок лет жизни. То, чем занималась и занимается сейчас Екатерина Александровна, всегда было передней линией фронта геологии. Мужество, романтизм, если можно так сказать, гражданственность она привнесла и в свою науку.

Среднюю Азию сменяет Восточная Сибирь. Стране нужно олово.

...На станции Оловянная поезд стоит две минуты. Пассажиры помогают выкинуть из вагона нехитрое экспедиционное снаряжение, вьючные ящики, палатки, спальные мешки, полушубки. Начинается новая страница жизни.

В Средней Азии Радкевич занималась геологией свинца и цинка, а теперь с головой уходит в изучение незнакомого для нее типа руды — оловоносных пород. В условиях вечной мерзлоты выработки быстро покрываются льдом, и приходится ползком пролезать по ледяному настилу. Долго под землей находиться невозможно, коченеют руки, теплые ватники не спасают от пронизывающего векового холода. Передвигаться приходится лишь по поперечным бревнам, распоркам, расположенным на расстоянии метра один от другого. Посмотришь вниз — дух захватывает. Сорвется камень — гудит, падает, как в бездну. А все же надо по этой своеобразной лестнице проникнуть под землю, чтобы осмотреть выход рудоносной жилы.

...Так писалась докторская диссертация Екатерины Радкевич, ее геологическая поэма...

В Тарбальджее она находит какую-то непонятную зеленую, плотную, тяжелую породу. Геологи обозначили ее как измененный порфирит, породу, не содержащую руды.

Основное качество ученого — сомневаться в том, что всем кажется незыблемым. Именно в этом вечном сомнении скрываются истоки таланта Радкевич. «А может быть, это как раз рудная порода?» — подумала она.

Лабораторные анализы подтвердили ее предположения. Образец породы, на которую геологи раньше не обращали никакого внимания, действительно оказался богат оловом. Это был новый, неизвестный до этого тип руды.

...1939 год. Поезд из Москвы до Владивостока идет 12 дней. Екатерина Александровна Радкевич не отрывается от окна. Так вот оно какое, Приморье! Синее море, синее небо, зеленая до синевы, яркая, праздничная зелень, полевые цветы с чашку величиной. Почти у самых колес плещутся воды Амурского залива, и белый пароход уходит навстречу океану...

Эта красота ударила ей в глаза и настежь распахнула душу. Она почувствовала, что после долгих скитаний приехала наконец домой.

В щедрой, яркой, праздничной природе Приморья есть что-то сродни ее характеру, такому же щедрому и яркому. Но еще сильнее приковал ее к Дальнему Востоку интерес к геологии.

Как-то она обмолвилась, что в школьные годы делала доклады о землетрясениях, вулканизме и рисовала иллюстрации к своим выступлениям — карты Тихоокеанского огненного кольца и эпицентры землетрясений. «Думалось ли мне тогда, что именно с Тихоокеанским поясом будет связана моя судьба, моя деятельность геолога?» — задумчиво сказала Радкевич.

...Я бывала в Дальневосточном геологическом институте, где Екатерина Александровна — директор. Из окон виден Амурский залив. На стенах — металлогенические карты Дальнего Востока и Тихоокеанского рудного пояса. Красным цветом помечены месторождения олова, желтым — золота, синим — свинца...

Изучение закономерности распределения полезных ископаемых на Дальнем Востоке — основная тема исследований института. Это чрезвычайно важно и для науки и для хозяйства страны. Ведь тут, на Дальнем Востоке, есть олово, вольфрам, свинец, цинк, сурьма, ртуть, золото. Именно тут проходит несметно богатый Тихоокеанский рудный пояс.

В результате многочисленных экспедиций родились эти металлогенические карты. На них наглядно отражены закономерности распределения полезных ископаемых, прогноз работ на будущее.

А жизнь не стоит на месте. В геологию приходят новые методы анализа, поиска, обработки информации. В институте бок о бок с геологами трудятся физики, химики, математики, кибернетики.

Опять передний край науки...

* * *

— Вам не холодно? — спрашивает меня Екатерина Александровна. — Может быть, возьмете мой шерстяной платок? Ну, нет так нет. Посидим еще, да?

Мне, как и ей, не хочется уходить с берега. Она соскучилась по морю, а мне хочется еще немного побыть с ней рядом: скоро уезжать, заканчивается командировка.

«Как много успела в жизни сделать эта женщина! — думаю я.— Вот что значит железная последовательность, умение смирять свои порывы, не разбрасываться...» И сейчас же сама себя опровергаю: совсем уж несвойственно Екатерине Александровне смирять свои порывы. Да и то, что она никогда не разбрасывалась, тоже сказать нельзя.

МНОГОГРАННОСТЬ

«Самая отчаянная женщина на свете — это Радкевич,— сказал мне о Екатерине Александровне один геолог, знающий ее много лет. — Часто говорят: «Жизнь научит стать осмотрительнее». А ее, знаете, жизнь так и не научила ни осмотрительности, ни расчетливости. Какой была в молодости, такой осталась. Может, это плохо, а может, и хорошо — не знаю».

Дальневосточный институт геологии (он еще только организовывался) не имел помещения, а уже приехали его будущие сотрудники, экспедиции собрали ценные геологические образцы, требующие срочного изучения. Что же делать?

Екатерине Александровне как директору института выделили во Владивостоке на Спортивной улице небольшую квартирку. Она зашла посмотреть на свое будущее жилье, но заинтересовалась не своей квартирой, а огромным пустым полуподвалом. Полная запущенность помещения свидетельствовала о том, что оно без хозяина. «Братцы, занимаем!» — бросила клич Екатерина Александровна.

Через полчаса в полуподвал были свезены шкафы с образцами, лабораторные столы, приборы. Сначала районное начальство грозило геологам судом, но потом признало их правоту. Первый, временный «дом» института был тесноватым, неказистым, всего в четыреста квадратных метров. Но начинать работать было уже можно.

...Вот тебе и умение «смирять свои порывы»!

Стены в квартире Екатерины Александровны почти сплошь завешаны пейзажами. Картины маслом, сделанные с тонкостью и легкостью акварелей. Нежные полутона красок, точность рисунка. Чувствуется, что писал их человек наблюдательный, с острым взглядом и поэтичной душой. Это работы самой Екатерины Александровны.

Любовь к живописи с особой силой проснулась в ней, когда она, прозрев, заново нашла всю эту красоту восходов и закатов, увидела реки, деревья, облака. Ее картины не говорят, нет, они кричат: «Как прекрасен мир! Как я счастлива, что живу в этом мире!»

...Вот тебе и «только геология»...

* * *

Перед самым отъездом в Москву я зашла к Екатерине Александровне проститься. Но ее не было ни дома, ни в институте. «Она уехала в Находку», — сказали мне. «Как уехала? Ведь у нее сломана нога?» «Получили телеграмму, что в Находку пришел заправляться американский корабль. На нем приехали американские геологи. У нас есть одинаковые приборы. Вот она и отправилась обсудить какие-то научные вопросы. Мы пытались отговорить ее от этой поездки, но... Вы ведь знаете Радкевич!»

Да, я ее уже знала. Я не удивилась...

...Прошло много времени, но я часто думаю о Екатерине Александровне. Мне кажется, я наконец поняла, в чем ее главное очарование: в щедрости, в способности к счастью, в этом самом редком даре, который дается человеку. Что бы ни делала эта женщина, она отдает свой ум, душу, силы, талант с жадностью. Она щедро одаривает каждого, кто с нею рядом. А отдать — всегда в конечном счете стать богаче...

●

НАШИ ВКУСЫ И БОРЬБА ИДЕОЛОГИЙ

Вл. РАЗУМНЫЙ,
профессор, доктор философских наук

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — теоретический документ большого исторического масштаба, охватывающий целый комплекс идейно-творческих и организационных проблем развития социалистической художественной культуры,— естественно, побуждает всех нас задуматься о животрепещущих эстетических вопросах, которые органично возникают там, где идет страстный, заинтересованный разговор о живых явлениях современного искусства, его ведущих тенденциях и перспективах.

Включаясь в этот разговор, наши критики сделали немало для творческой разработки эстетики социалистического реализма, для борьбы с чуждыми его духу идейными влияниями.

Выверенная исторической практикой, эстетика, в свою очередь, является точным инструментом критического анализа, своеобразным методологическим компасом для ориентации в многоплановом мире художественно-прекрасного, для своевременной и действенной поддержки всего подлинно талантливого, прогрессивного в искусстве, наконец, для развития высокого вкуса читателей, слушателей, зрителей...

Отказ от такого надежного компаса закономерно приводит к блужданиям в дебрях «гастрономической» критики, базирующейся на зыбком авторитете личных вкусов, индивидуальных или же групповых симпатий и антипатий... Эти же блуждания порою наталкивают критика на «теоретические» схемы, поражающие словесной мишурой, претензиями на оригинальность и новаторство. Не так ли случилось, например, с теми критиками, которые в течение ряда лет отстаивали идеи «дедраматизации», позаимствованные из арсенала модернистской эстетики?.. Отказ от сюжета, попытка подменить драматически организованное действие «потоком сознания» на практике породили аморфные, посредственные произведения, населенные инфантильными персонажами, лишенными социальной масштабности.

В последние годы отшумело немало дискуссий со сторонниками аналогичных по характеру, доморощенных, вполне догматичных эстетических схем. И если реальный вред статей, обзоров, рецензий, которые, как это и сказано в постановлении ЦК КПСС, носят поверхностный характер, отличаясь невысоким философским и эстетическим уровнем, оказался не столь уж значительным, то прежде всего потому, что Коммунистическая партия всегда своевременно обращала внимание на любые идейные шатания, призывая художников создавать глубокие, значительные произведения.

В этом отношении постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — закономерный этап движения марксистско-ленинской эстетической мысли, своеобразный теоретический итог многогранной работы Коммунистической партии по активизации общественной действенности советского искусства. Теперь лишь некомпетентные в теоретическом отношении авторы могут позволить себе высказывать суждения, звучащие как далекие отголоски изживших себя концепций, еще вчера модных среди некоторых критиков...

Конечно, консолидация критического фронта на позициях творческого марксизма-ленинизма — одна из многих важнейших задач, выдвинутых постановлением ЦК КПСС.

Не менее существенной задачей является научное обоснование четкой перспективы работы на ближайшие годы.

Судьбы и задачи искусства в сложном, бурно меняющемся мире — вот идейно-эстетическая проблема, определившая водораздел между критикой принципиальной, способной воспитывать высокие вкусы посредством глубокого творческого анализа процессов развития социалистической художественной культуры, всего подлинно нового и совершенного в искусстве, и критикой эмпирической, базирующейся на эфемерных умозрительных конструкциях.

Без перехода всех наших критиков на единые идейно-эстетические, научно обоснованные позиции критические баталии не будут поиском истины, а останутся иллюзией поисков, где искусство есть только повод для «самовыражения» критика.

Хлесткость, сенсационность формы, безапелляционность суждений, основанных на личных пристрастиях или предубеждениях, могут привлечь внимание, озадачить; но они не имеют ничего общего с убедительным анализом явлений искусства, который возможен лишь на основе выверенных эстетических положений. И как бы лихо ни упражнялись в поисках эпитетов-ярлыков некоторые авторы, их время прошло... Напомним, что говорил по этому поводу еще в прошлом веке Д. Писарев: «Ничто не может быть бесцветнее и неопределеннее общих выражений: обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славянофил, западник; эти выражения нисколько не характеризуют того человека, к которому они прикладываются...»

Сегодня умный, хорошо подготовленный массовый читатель критических статей и рецензий отнюдь не склонен полагаться на авторитет самого влиятельного критика, пророчащего вечную жизнь одному художественному явлению и предрекающего полное забвение другому...

Жизнь наша, бурная и стремительная, дала уже немало предметных уроков, опрокидывая модные эпитеты и доморощенные схемы, предавая забвению пророчества и прогнозы тех «авторитетов», которые научный анализ явлений искусства подменяли догматическими их оценками.

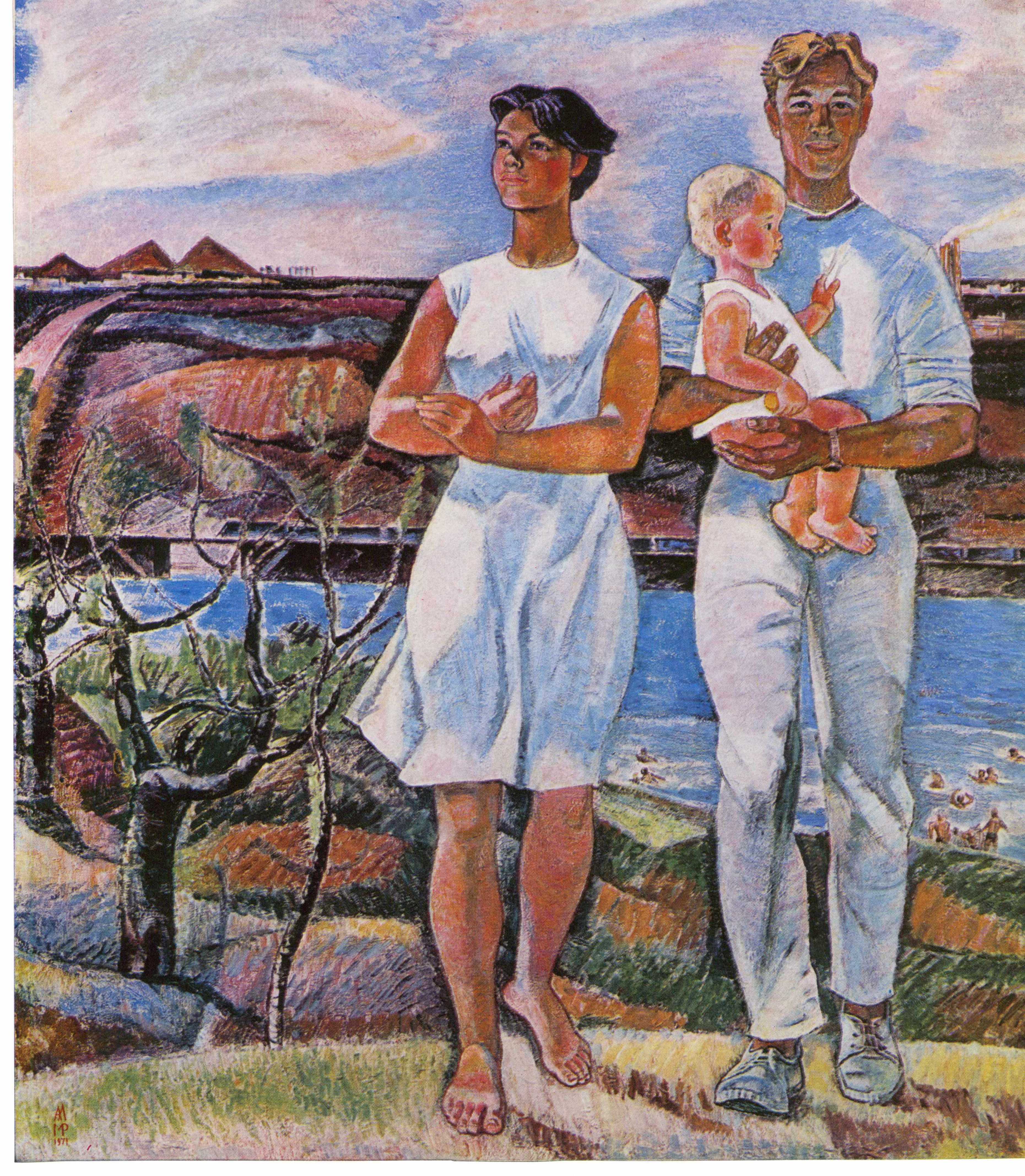
Собирательный, почти классический образ подобных догматиков-«строчкогонов» запечатлел Валентин Катаев в «Траве забвения», рассказав о том, как Маяковского буквально одолевали некоторые «критики», пытавшиеся рассмотреть гигантскую фигуру гения сквозь призму измышленных ими догм. «Он был в отчаянии,— рассказывает писатель,— он не знал, как от них избавиться, от всех этих доморощенных «лефов», невежественных и самонадеянных теоретиков, высасывающих теорию литературы из гимназических учебников старших классов...»

Конечно, сегодня подобные «строчкогоны» не делают погоды. И в больших культурных центрах страны и на периферии ныне успешно трудится талантливый отряд художественных критиков, влюбленных в свою нелегкую творческую деятельность: в каждой союзной республике публикуется немало интересных монографий и коллективных трудов о выдающихся представителях искусства социалистического реализма, об их вкладе в общую сокровищницу многонациональной советской художественной культуры. Новое в искусстве становится предметом заинтересованного разговора на страницах областных и республиканских газет, в секциях творческих союзов. Немало высококвалифицированных критиков выступает в качестве редакторов книжных издательств, щедро отдавая свой опыт молодым авторам.

Однако сегодня перед боевым отрядом художественных критиков встали новые задачи. Чтобы лучше их осознать, следует масштабнее и глубже мыслить категориями современной науки об обществе, учитывая великие социальные сдвиги, происходящие в мире,— тот революционный процесс, который преобразует лицо планеты. Мы не можем не учитывать и социальных последствий научно-технической революции, в частности поразительного роста общественной роли искусства. Только под таким углом зрения можно понять и новое содержание искусства, и изменения во всей системе искусств, и новые возможности художественной критики в идейно-эстетическом воспитании народа.

Бурный прогресс науки и техники, революционизирующий все стороны современного производства, действительно потрясает воображение как свидетельство неисчерпаемых возможностей человечества.

Успехи автоматики, атомной энергетики, электроники, бионики, химии и других быстро прогрессирующих областей науки и техники сделали реальностью нашего времени недавнюю еще фантастику; никого уже не удивляют

А. Любимский, М. Рыбальченко (Харьков). ПЕРВЕНЕЦ.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

П. Розин. ТЕБЕКОВА КЫДАТ — СТАРШИЙ ЧАБАН КОЛХОЗА «КЫЗЫЛ МААНЫ» КОШ-АГАЧСКОГО РАЙОНА.

сегодня космические полеты, сверхдальняя связь, получение веществ с заранее заданными свойствами...

В условиях капитализма социальные последствия научно-технической революции весьма противоречивы. Великие достижения человеческой мысли, дающие чудовищный рост прибылей ничтожному меньшинству эксплуататоров, непрестанно требуют коренного улучшения «человеческого материала», как любят выражаться буржуазные социологи. Иными словами, объективной производительной потребностью стала образованность миллионов тружеников, призванных оперировать сложнейшей техникой, а важнейшей в этих условиях политической задачей, осознанной буржуазией,— еще большее подчинение тружеников нормам буржуазной идеологии.

Впрочем, для марксистов в подобной тактике буржуазии нет ничего принципиально нового. Еще Ф. Энгельс писал: «Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам».

Было бы непростительной слепотой не видеть того, что ныне эта «мера» совсем иная, чем, скажем, в конце XIX века... Для успешного развития современной техники и промышленности вообще необходима высокая выучка рабочих и наемных служащих, «модернизация» всей системы образования и воспитания. Однако эту выучку буржуазия дает лишь как ограниченную, то есть отнюдь не затрагивающую ее господства как «производителя мыслей», как класса, по-прежнему регулирующего «производство и распределение мыслей своего времени».

Цель буржуазии — ограниченное, частичное развитие человека-труженика, отвечающего потребностям современного производства и новым задачам ее классового господства. Одно из основных средств достижения этой цели — теория и практика так называемых манипуляций, являющихся вполне сложившейся доктриной империалистической буржуазии, сознательно взятой ею на вооружение.

Призывая нас разоблачать реакционную сущность буржуазной «массовой культуры», постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» показывает, что пришло время серьезного рассмотрения этой доктрины, ее зловещего социального смысла и тлетворной практики. Сознательно планируемое и тщательно организуемое, психологически обоснованное осреднение человека на нравственно-эмоциональном уровне есть прямая тенденция вырождения духовной культуры. Эта тенденция сегодня характерна для развитых капиталистических стран; многие «новые», «эстетизированные» ее формы здесь ничего, по сути, не меняют, поскольку свои диверсии в духовной сфере империалистическая олигархия неизменно направляет против идеологии научного коммунизма, против здоровых нравственных демократических традиций народов.

Всю буржуазную «индустрию досуга», как то: массовая печать, кино, радио, телевидение,— с полным основанием можно назвать непосредственным орудием политической власти буржуазии, имея в виду разлагающий, ядовитый эффект их воздействия. Сосредоточение всех средств информации, всех развлечений в руках буржуазного государства носит тот же политический характер: отсюда — невиданная ранее их концентрированность и координированность.

Отсюда и единовременность распространения банальных, мещанских догм мышления: «секс — моды» или же современной модели супермена — «сверхчеловека»...

Подобная буржуазная стандартизация человеческого поведения, мышления, всех чувств и отношений наблюдается в самых разных капиталистических странах. И есть все основания предполагать, что подобная координация действий возникает у поставщиков различной духовной отравы отнюдь не стихийно. Точно определяемая идеологическими центрами, она порождается законами бизнеса и действует столь же целенаправленно, сколь и злонамеренно... Сегодня можно говорить о существовании особой теории, лежащей в основе «манипуляций». Это и есть «массовая культура», к развернутой критике которой призывает нас партия.

Общие положения «массовой культуры» весьма примитивны. И они отнюдь не новы. Исходный тезис их таков. Есть три уровня человеческих потребностей: физиологический, общий для всех людей; средний — для данной цивилизации, выражающий суть «массового человека», отличного от человека «элитарного», «избранного», к которому буржуазия относит себя и своих идеологических слуг; и, наконец, высший, куда относятся управление обществом и потребление уникальных, редчайших духовных ценностей,— являющийся привилегией «элиты».

Удел «простого» человека и есть духовное осреднение, организуемое «элитой».

Обезличивание, стандартизация человека, единые «вкусы», единая «мода» — таков идеал, такова стратегия. Но это отнюдь не единство в нашем смысле слова. «Заразить» наибольшее количество людей стремлением к стандарту моды, обезличивающему человека, привить убожество взглядов, стадные инстинкты, мещанскую безвкусицу, подсунуть «модерн» под видом новаторства — вот что определяет и тактику «манипулирования» и ее приемы.

«Свободен только сильный человек»,— неустанно твердит буржуазная пропаганда, воспевая «супермена» типа Джеймса Бонда, героя бесчеловечных боевиков. Конкретным противником этого супермена в большинстве случаев оказывается коммунизм...

Поэтизация супермена — явственное выражение агрессивных политических тенденций современного империализма. Однако эта тактика — в условиях все большего распространения антимилитаристских настроений в капиталистических странах — не всегда срабатывает. И тогда пускают в ход культ оголтелого секса и половой распущенности, разнузданную эротику, навязываемую потребителю миллионными тиражами порнографических открыток, журналов, книг, фильмов, телепередач... Политический смысл этого культа — переключение всех помыслов молодого, полного энергии существа лишь в область чувственности, которая провозглашается альфой и омегой бытия, его высшим смыслом. Женщине прививается мещанское самосознание некоего «приза» в конкурентной борьбе соперников...

Нельзя недооценивать вредоносный, антигуманистический смысл «новой» империалистической культурполитики. В этой связи можно сказать, что перед всеми нами непочатый край работы по разоблачению «массовой культуры», работы благородной и социально необходимой. Но это лишь один из аспектов критической деятельности. Партия обращает наше внимание и на другие, не менее важные задачи, подчеркивая особое значение литературно-художественной критики в становлении подлинно гуманистической культуры коммунизма.

Вспомним: XXIV съезд КПСС подчеркнул, что социальные последствия научно-технической революции должны регулироваться целенаправленно, продуманно, в интересах всего народа и общества.

Сама природа наших общественных отношений предполагает не только высокую техническую подготовленность новых поколений советских людей, но и их подлинное культурное развитие, понимаемое в самом широком смысле слова как всестороннее, гармоническое развитие личности. Именно поэтому в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии подчеркнуто, что «великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека».

Наша цель—всестороннее развитие личности. Не «манипулируемый индивид», но свободная, яркая человеческая индивидуальность гражданина коммунистического мира. Пропаганда культуры в массах, доступность самых высоких духовных, эстетических ценностей в нашей стране не есть что-то вторичное, побочное, необязательное... Художественная культура в самом широком смысле слова является средством развития всех дарований и способностей личности, формирования ее вкусов и взглядов, патриотических эмоций, гражданского самосознания... Глубинные процессы социальной психологии направляются во имя утверждения высокого, подлинно гуманистического идеала, ради превращения миллионов тружеников в активных, творчески действующих организаторов всего общественного процесса.

Для плодотворного осуществления именно такой — творческой — роли художественной культуры у нас налицо все объективные и субъективные предпосылки, в том числе сосредоточение в руках социалистического государства всех средств массовой информации и учреждений культуры, существование целой армии высококвалифицированных работников идеологического фронта.

Укажу на одну лишь сферу художественной культуры, которая ныне приобретает едва ли не решающее значение в духовном прогрессе личности. Это — наше радио и телевидение.

Пожалуй, никогда еще не было у нас столь впечатляющей массовой пропаганды, рассчитанной буквально на миллионы зрителей и слушателей и базирующейся при этом на самых высоких и совершенных произведениях искусства. Наши радио- и телепостановки знакомят массы с шедеврами мировой драматургии; к массовому зрителю и слушателю обращаются творческие ансамбли, музыканты-исполнители, композиторы, являющиеся гордостью современного искусства... А какое поразительное разнообразие жанров, ориентированных на все возрасты и вкусы.

Вот перед детьми, затаившими дыхание, выступает замечательный композитор Дмитрий Кабалевский; он говорит с ними о музыке, как с равными, вводя их в сложный, поэтический мир образов, побуждая к творческому восприятию прекрасного, вызывая чувства гуманные, глубоко патриотические... Еще несколько минут — и взрослые слушатели услышат лекцию-концерт, раскрывающую прелесть симфонической музыки, безграничную сложность ее выразительных средств...

Да возьмите телевизионную программу любого дня — и вы сразу же найдете в ней и экскурсию в страну «Симфония», и тонкий, преисполненный поэтического очарования камерный концерт, и многосерийный фильм, который затем повторится еще и еще раз, ибо полюбился миллионам зрителей в самых разных уголках страны.

А сколько нового благодаря телевизионному экрану может узнать самый подготовленный ценитель искусства о народном творчестве! Сколько незабываемых впечатлений от авторских концертов композиторов-песенников, которых с полным основанием можно назвать авангардом коммунистической художественной культуры!..

Однако и на телевидении, конечно, есть еще много неиспользованных возможностей. И о них хотелось бы сказать подробнее... Пора признать, например, что ныне и пропагандисты прекрасного уже не только пишут рецензии и статьи для десятков тысяч читателей, но получают возможность выступать перед миллионными массами зрителей и слушателей по телевидению. Эта работа ведется неустанно, но не странно ли, что она остается вне поля зрения критики... Не оценены, скажем, такие незаурядные мастера, как С. Виноградова с ее заразительными, эмоциональными рассказами о музыке и музыкальном исполнительстве; как Н. Абалкин, все более активно овладевающий искусством простой, задушевной беседы, рассчитанной на самую массовую аудиторию любителей театра... Здесь есть свои художники, опыт которых заслуживает осмысления и распространения, как, например, Ираклий Андроников, критические эссе которого на телевидении — подлинные жемчужины мастерства.

Бывают, к сожалению, в этой сфере и отрицательные явления. И, кстати, они во сто крат опаснее самой шумной ошибочной критической статьи, поскольку мысли, высказанные по радио или же по каналам телевидения, сразу приобретают особо широкое влияние, воздействуя на эстетические вкусы и взгляды тех, кто завтра придет в театр, концертный зал, музей...

Допустимо ли, например, чтобы молодой театральный критик К. Щербаков, рассказывающий у театральной афиши о спектаклях ближайшего времени, утверждал, что студийные театры якобы превосходят профессионалов увлеченностью и одержимостью, да еще

при этом демонстрировал в качестве иллюстрации к своему сомнительному тезису фрагменты из некоторых, вполне посредственных актерских работ...

А разве высокие вкусы «пропагандирует» радиожурналист, стремящийся нас уверить, что молодым рабочим крупного завода сегодня требуется литература Кафки, Джойса, Пруста!..

К сожалению, в отдельных массовых изданиях, которые доступны всему отряду критиков, работающих в печати, на радио и телевидении, в газетах и издательствах, тоже имеются серьезные теоретические просчеты. В таком фундаментальном справочном издании, как Большая Советская Энциклопедия, опубликовано много статей искусствоведческого характера, написанных, как правило, с большим тактом, на уровне современной науки, но вот что касается некоторых общеэстетических терминов, понятий, категорий (а нашим критикам чаще всего приходится ими руководствоваться в практической деятельности) — они-то в интерпретации авторов БСЭ часто вызывают возражения.

Можно ли, например, такую основополагающую категорию, как «Вкус эстетический», истолковывать в духе упрощенного пересказа идей великих философов прошлого, избегая современного, подлинно научного марксистского анализа?!. Читатель узнает, например, что вкус — «выражение общественно-ист. культуры человека»! Узнает, что это «не только способность к созерцанию и пассивной оценке, но прежде всего способность к творчеству». Но ведь этого мало! Вкус — явление социальное, классовое, обусловленное существующими общественными отношениями, связанное с политическими и философскими идеями, господствующими в данном обществе. Именно поэтому сфера вкуса и становится ареной ожесточеннейшей идеологической борьбы, умалчивать о которой непозволительно!

В статье же так и не дано единого понимания вкуса. Вначале он определяется как «способность человека к различению, пониманию и оценке прекрасного и безобразного в явлениях действительности и произведениях искусства». Далее же такой именно подход объявляется «созерцательным», а вкус провозглашается «прежде всего способностью к творчеству», что опять-таки вызывает недоумение, ибо творческая способность — понятие более широкое, чем вкус. Еще несколько строк — и вкус отождествляется... с эстетическими оценками!

Критик, рассуждающий о вкусах, о ведущих тенденциях нашего искусства, не может и шагу сделать без точного понимания категории возвышенного и связанной с ней категории героического. А в статье БСЭ «Возвышенное» мы снова находим примитивный пересказ идей классиков мировой эстетической мысли, перемежающийся весьма путаными, а то и произвольными умозаключениями автора... В самом деле, читателю предлагают понять определение возвышенного, сформулированное как «категория, характеризующая внутр. значительность предметов и явлений, несоизмеримых по своему идеальному содержанию с реальными формами их выражения»... Что же такое «идеальное содержание» предметов и явлений? Что такое «реальные формы» их (предметов) выражения?.. Словесная абракадабра, не более!

Спасает ли положение отсылка к героизму? Отнюдь нет: здесь опять все донельзя запутано; специфика героического действия смазана вообще. Неясно, идет ли речь о действии личности, выражающей интересы масс, или же о действии самих масс... Вспомним, что отказ от выявления подобной специфики лежит в основе раскритикованных партией идей «дегероизации» современного искусства,— и мы сразу поймем теоретическую аморфность отдельных определений БСЭ...

Хорошо, что критики, работающие в области массовой информации, относятся к таким дефинициям разборчиво; но тут им, впрочем, только и остается сетовать на «неразработанность» эстетики... Однако же этого мало. Ибо точность общеэстетического анализа сегодня впрямую связана с культурой масс, особенно подрастающего поколения. И эта культура — предмет наших общих забот.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ВЧЕРАШНИ

Елена Дмитриевна проснулась, как обычно, в десятом часу утра. Ее сон не прерывался визгом будильника. Елена Дмитриевна не торопилась: был выходной день, воскресенье.

Елена Дмитриевна встала, накинула халат и оглядела комнату. Повсюду, на столе, на подоконниках и даже на полу, стояли цветы: твердые, крепкие тюльпанчики, сирень, гвоздики.

Вчера Елена Дмитриевна совала цветы в вазы целыми охапками, не глядя, некоторые попадали на пол и к утру увяли.

Вчера Елене Дмитриевне исполнилось тридцать шесть лет. Тридцать шесть оплывших свечей торчали в недоеденном праздничном пироге. Тридцать шесть свечей пыталась задуть вчера Елена Дмитриевна при веселом подбадривании гостей.

Ей незачем было скрывать свой возраст, прекрасный возраст прекрасных женщин. Ей вообще нечего было скрывать. Она гордилась, что в тридцать шесть лет руководит отделом, что на работе ее ценят, что положение ее независимое, что, наконец, в тридцать шесть лет выглядит она преотлично.

После развода с мужем, уже лет семь, пребывала Елена Дмитриевна в гордом и радостном сознании своей самостоятельности. Терпеливо, с сочувствием выслушивала своих замужних подруг, усталых от семейных хлопот, и втайне, про себя думала: «Как же у меня все удачно получилось, просто не верится».

Подруги приходили с тяжелыми, распухшими от продуктов авоськами и, беспокойно оглядев себя в зеркале, жаловались, что совсем опустились: в парикмахерскую сходить—проблема.

— Ничего, — успокаивала их Елена Дмитриевна,— это не самое главное,— и со сладостным удовлетворением поправляла свои густые, блестящие волосы.

Но и «самое главное» у ее подруг, как выяснялось, было незавидным. Путано и однообразно говорили они о сложностях своей семейной жизни, а Елена Дмитриевна, внешне очень внимательная, обводила глазами свою уютную комнату. «Что, если передвинуть столик ближе к окну, а кресла перенести в правый угол?»— придумывала она и только ждала ухода гостьи, чтобы скорее заняться перестановкой.

Конечно, кому-нибудь Елена Дмитриевна могла показаться черствой. Но, помилуйте, нельзя же всерьез сопереживать взрослой тете, способной расплакаться по причине, что ее толстый плешивый Петя, муж, последнее время как-то о ч е н ь с т р а н н о глядит на молоденькую соседку. Елену Дмитриевну эти женские д р а м ы иногда забавляли, иногда злили, иногда она совершенно откровенно потешалась над являвшимися к ней на исповедь.

А подруги, будто не замечая насмешек, продолжали приходить и делиться своими бедами. Может, им лестно было иметь в друзьях Елену Дмитриевну, такую непохожую на них самих? Может, и квартира ее, уютная, где все как самой захотелось, как самой по вкусу пришлось, казалась им, утомленным хозяйством, сказкой какой-то. Может, сам вид Елены Дмитриевны, ее довольное, ухоженное лицо доставляли им тайное успокоение — ведь вот, живут же люди! И к тому же Елена Дмитриевна, безусловно, была обаятельна. Она умела ладить с людьми. Она так приятно улыбалась, так ласково со всеми говорила, что мало кто мог перед ней устоять.

Единственным человеком, не оценившим достоинств Елены Дмитриевны, оказался ее бывший муж.

Как-то раз совершенно случайно Елена Дмитриевна встретилась с ним на улице. Поборов первое желание пройти мимо, она улыбнулась, спросила, как его здоровье, как работа, как дела. Геннадий (так звали мужа) отвечал односложно, не глядя Елене Дмитриевне в глаза. А она держалась сдержанно, с достоинством и чувствовала себя совершенно неуязвимой: прекрасно одетой, с прической, идущей к лицу. Геннадий на все ее вопросы ответил послушно, покорно, но без всякой заинтересованности, сам не спросив у Елены Дмитриевны ничего. Да и что, казалось, спрашивать? Разве не ясно было все по ее победной улыбке, чуть ленивому взгляду красивых глаз, по капризной, балованной интонации низкого голоса?

Елена Дмитриевна осталась довольна собой. Эта встреча была ей немаловажна. Нет, никаких чувств к мужу у нее не осталось. Но это вопрос самолюбия — какой он ее найдет после столь длительного перерыва.

Ну, а что касается остального, так это же счастье, что порядок, наведенный с утра, не рушится вечером к ее приходу, а раковина в кухне не наполняется горой грязной посуды, что, решив внезапно пойти на выставку или в кино, она не должна теперь спешно искать телефон и убеждать, уговаривать, что всего два часа, всего два часа, а котлеты в холодильнике, картошка почищена, и всего два часа, всего два...

«Как же у меня все удачно получилось!»— говорила сама себе Елена Дмитриевна.

А потом, этот его громкий голос, шумные манеры, тяжелая, неловкая походка... Когда он начинал о чем-то говорить при ней на людях, Елена Дмитриевна уже не различала слов, только сжималась вся от стыда за еще не совершенную им, но уже переживаемую ею бестактность, невоспитанность, несдержанность. Она чувствовала, как тупеет, глохнет от его голоса, стыдилась и ненавидела его за свой стыд. У нее каменела от напряжения шея и толчками пульсировала кровь в висках...

А его вкус? Нет, это просто немыслимо... Еще девочкой Елена Дмитриевна умела ценить красивые вещи. В родительском доме ей отвратительны были стол, покрытый темной бахромчатой скатертью, жесткие, прямые стулья, телевизор одной из первых моделей с толстой линзой, похожий на подслеповатого старичка, лоснящиеся фикусы и бутылки молока на подоконнике (холодильник они еще тогда не купили).

Выйдя замуж, Елена Дмитриевна уехала от родителей, мечтая избавиться от безвкусных, ненавистных ей «предметов домашнего обихода». Но так как Геннадий, муж, жил в обще-

житии, им пришлось снимать комнату. И опять Елене Дмитриевне приходилось сносить хозяйскую уродливую мебель, неопрятность общих кухонь, запахи и крики за стеной. Геннадий страдал от таких неудобств несравненно меньше. Он и не понимал, как можно до головной боли возненавидеть стол на толстой, как тумба, слоновьей ножке или обшарпанную этажерку; что одежда — пожалуйста, не надо кричать, — да-да, одежда тоже имеет значение; что ботинки должны быть мягкие, на упругой подошве, а носки темные, длинные, а если они короткие и между ними и вздернутыми брюками торчат голые лодыжки, то это некрасиво, некрасиво, некрасиво... И не надо так хохотать, так размахивать руками, спорить по совершенно ничтожным поводам, неужели это непонятно, непонятно, непонятно?..

Конечно, Елена Дмитриевна все реже и реже вспоминала своего бывшего мужа. Он ушел, просто выпал из ее жизни. И делить-то им было нечего при разводе — не нажили.

А теперь, в тридцать шесть лет, Елена Дмитриевна была по-прежнему деловой, интересной женщиной. Она по-прежнему любила все красивое, любила, чтоб окружали ее красивые вещи,— а они были, да, были у нее теперь. Перед уходом на работу она тщательно и придирчиво осматривалась в зеркале, не для кого-нибудь, для себя, желая быть совершенно неуязвимой.

Целый день на высоких, прямых каблуках, туго затянутая, с тяжелой прической, она ходила по учреждению, улыбаясь сотрудникам сдержанно, с достоинством — начальству, обращалась к подчиненным ласково, уменьшительными именами.

— Манечка, — говорила она худенькой машинистке, — будьте любезны, Манечка...

А Манечка, быстро взглянув на нее, хрипло переспрашивала:

— Ну, ну?..

И Елена Дмитриевна, уже уставшая, чувствуя, как тяжелее, весомее становятся туфли, как туже стягивает ее юбка и как начинает гудеть голова, продолжала ласково смотреть на Манечку, уже ненавидя ее за бестолковость, за вульгарный, красный, облупленный маникюр, но не позволяла себе расслабиться, изменить доверительный тон, стереть улыбку. К концу дня она просто валилась от усталости. Ей казалось, что тело ее опутывает тяжелая рыболовная сеть, на руках, на ногах, на шее виснут гири и тянут, тянут вниз... Но она только выше закидывала голову, выпрямляла спину и улыбалась.

— Изольдочка, — уже с трудом, но неизменно ласково выговаривала она, обращаясь к сотруднице, — ты не могла бы, Изольдочка...— досадуя в душе на родителей, придумавших такое нелепое имя своей нескладной, остроносой дочери.

А дома, стоически подавив в себе желание

Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

сорвать одежду и поскорее влезть в халат, Елена Дмитриевна аккуратно вешала на плечики платье, убирала туфли, чтобы не наследить, в тапочках шла в комнату. И там уже с удовольствием, как металлические, тяжкие латы, стягивала чулки, пояс, юбку...

Елена Дмитриевна жила совсем не легкой жизнью. Работа ее, правда, не требовала особого творческого горения, но справлялась с ней Елена Дмитриевна хорошо, толково, имея полное право рассчитывать на уважение коллег. И знакомые не могли сказать о ней ничего дурного. Да, одинокая женщина, безусловно, порядочная, если и не совсем святая, то, во всяком случае, очень осторожная. А это, скажите, легко? Дай только повод... Елена Дмитриевна очень пеклась о своей репутации. Ни разу не позволила себе забыться, пойти на риск, предать что-либо огласке. Правда, большого напряжения воли от нее для этого не требовалось. Она редко поддавалась волнениям и даже с близкими людьми не меняла спокойно-любезного тона, вежливой благожелательности, что, безусловно, заслуживало уважения, но в достаточной мере и отрезвляло. Стоит, правда, сказать, что приятели Елены Дмитриевны и сами держались в отношениях с ней на определенной дистанции, не нарушали да и не могли нарушить ее душевного покоя, внести бурю в ее судьбу.

Но по сравнению со многими крикливыми, скандальными женщинами Елена Дмитриевна была просто клад. Она ни в ком не нуждалась. Вначале убеждала в этом других из гордости, потом поверила и сама. Другие тоже поверили и облегченно вздохнули. Всегда приятно узнать, что твой близкий в полном порядке, что вовсе не нужно его спасать, что никакие усилия твои не требуются.

И, конечно, Елена Дмитриевна знала себе цену. Иначе откуда бы силы взялись? Думаете, легко: только сама себе и хозяйка, только на саму себя надежда и есть? А если серьезно, кто типичная героиня последних лет в кино и литературе? Женщина средних лет, независимая, деловая, и одеться умеет и мужчин покорять. Всему цену знает, не унывает и улыбается так понимающе, чуть иронично.

Елена Дмитриевна не какая-нибудь там мещанка, чтобы только модные журнальчики листать и млеть от иностранных кинофильмов. Нет, она серьезную литературу читала и у м н ы е фильмы смотрела. И знала, к т о сегодня типичная героиня, знала, какого типа это женщина. А кто выбирает героев? Жизнь. Жизнь их выбирает... И предлагает решить, кому что важней, кому что надо.

У Елены Дмитриевны был свой ответ на жизнь. Вполне логичный и обоснованный. А что? Попробуйте придеритесь. В тридцать шесть лет Елена Дмитриевна кое в чем разбиралась...

Вчера Елена Дмитриевна справляла свой день рождения. Фу, ей ужасно не нравилось это слово — «справлять». Оно напоминало ей детство, бутылки с молоком на подоконнике, лоснящиеся фикусы и дурацкое длинное пальто «на вырост» — значит, господи, не скоро от него избавишься,— которое с п р а в л я л а ей

мать. Нет, Елена Дмитриевна *устраивала* свой день рождения. *Устроила* узкогорлые бутылки на столе, и гостей за столом, и крохотные тостики на блюде, в каждом из которых торчала очиненная спичка, и гость должен был осторожно — ради бога, осторожно! — подносить закуску ко рту и радостно улыбаться. Елена Дмитриевна умела принимать гостей. Поверх нарядного платья она надела малюсенький пестрый фартучек, который как бы символизировал ее хозяйственность и с которым она не расставалась даже во время танцев.

Елена Дмитриевна хорошо помнила о недостатках и достоинствах каждого из своих гостей и, рассаживая их за столом, постаралась все это учесть. Разумеется, она тщательно обдумала и состав приглашенных.

Когда-то очень давно в день рождения к Елене Дмитриевне являлись только те, кто помнил эту дату, и приходили поздравить, не дожидаясь официального приглашения. Приходили и совершенно случайные люди, захваченные кем-то из друзей, родственники, знакомые... Так как точного количества гостей предусмотреть было нельзя, никакой обдуманной сервировки стола, естественно, не могло быть и установленных часов для приема тоже: дверь в передней была приоткрыта, чтобы не бегать все время на звонки, да никто бы их и не услышал из-за шума, смеха, музыки...

Теперь Елена Дмитриевна не рассчитывала на память своих знакомых. Приглашала заблаговременно, чтобы знать наверняка, чтобы успеть заменить тех, кто по каким-то причинам быть не сможет. У нее был сервиз на двенадцать человек, и за столом помещались только двенадцать, так что число приглашенных строго ограничивалось этим пределом.

Оглядывая своих гостей, Елена Дмитриевна испытывала чувство удовлетворенности. Она сумела собрать у себя всех этих людей, солидных, достойных, кое-кого даже из знаменитых. Результаты ее деятельности сейчас были налицо: собственная уютная квартирка, красивые вещи, приятные люди за столом и она в центре внимания — именинница.

Улыбалась из-за букетов, переживала все победы, все этапы борьбы — продвижение по службе, развитие деловых качеств, железную дисциплину, силу воли, самоусовершенствование.

Вечер прошел великолепно. Опьяневшие гости шумно переговаривались, смеялись над анекдотами, то есть создался тот праздничный фон, на котором все лица сливались вместе, а все звуки — в единый гул. Приглашенные пришли парами. Такой возраст — мало холостяков. Женщины одергивали мужчин, мужчины вяло, скорее, из вежливости, старались быть любезными с женами. Да уж, «солидные» эти люди могли быть и повеселей. Ведь вон тому, бородатому, деньги платили в издательствах за шуточки, а что он сказал за столом? Какую-то пошлую глупость. Или вон тот, *знаменитый*! Сидел, выкатив пьяные глаза, и тыкал вилкой в тарелку. А Шурик? При жене как дохлый. Глаз поднять не смел... Елена Дмитриевна вдруг почувствовала ненависть ко всем этим окружающим ее сейчас людям. С ней иногда случалось такое, приступ бешенства, что ли, который она подавляла, заставляя себя улыбаться, выдерживать через силу раз и навсегда принятый стиль. Эти люди... Если бы кто-нибудь посторонний мог наблюдать сейчас за ними, ничего утонченного, элегантного он бы в них не нашел. Потные, красные лица, громкий глупый смех, то, как они сосредоточенно двигали челюстями, пережевывая пищу, — ах, как все это было далеко от мечтаний Елены Дмитриевны, от того, каким *представляла* она себе этот праздник! А ведь праздника-то не было! Елена Дмитриевна вдруг поняла: не было праздника... Пришли чужие, посторонние люди, ели салат «оливье», пили вино «Тетра», как ели и пили бы в ресторане, а до нее, до Елены Дмитриевны, не было им абсолютно никакого дела. И что больше всего возмущало Елену Дмитриевну, они и самой слабой попытки не сделали поддержать то праздничное настроение, которого она так желала. Забыли, совершенно забыли о ней, будто ее и не было!

Хоть бы видимость попытались создать... А накурили, накурили, черти... И посуды... Елена Дмитриевна даже зажмурилась, представив оставшуюся после гостей гору грязной посуды... Правда, иначе все и быть не могло. Кого звать? Эти вроде казались поприличней. Рюмку хрустальную разбили, черти. Носком туфли осколки к углу: «Ничего, потом вымету». Вино разлили. Гар-ни-тур испортили! А, ладно... Жена-то Холопова как смотрела, *как* смотрела...

Елена Дмитриевна провожала гостей. Долго толклись они в прихожей. Пьяно улыбались, шутили, женщины цепко держали подгулявших мужчин за локти. Елена Дмитриевна отвечала на комплименты улыбками и с облегчением вздохнула, когда за последним гостем закрылась наконец дверь, — все хорошо.

...На следующий день Елена Дмитриевна чувствовала себя прекрасно. Убрав комнату, стала готовить завтрак, как обычно: кофе и два яйца. На столе — вазочка с цветами и льняная салфетка, и молочник, и сахарница. Елена Дмитриевна сервировала стол для себя одной так любовно и старательно, будто считала, что кто-то невидимый постоянно наблюдает за ней. Будто *надо* было доказать этому наблюдателю, как удобно и уютно ей в одиночестве. Запах кофе и поджаренного хлеба — Елена Дмитриевна наслаждалась покоем и тишиной. Вдруг в дверь позвонили. «Кто же это так рано?» — подумала Елена Дмитриевна.

На лестничной площадке стоял мальчик лет одиннадцати, худенький, с подвижным, суженным к подбородку лицом. В одной руке у него был школьный портфель, в другой он держал поперек туловища лохматого рыжего щенка.

— Простите, — сказал мальчик вежливым, «взрослым» голосом, — это не ваша собака? Он, понимаете, скулил под дверью в подъезде. Я подумал: может, убежал, может, вы его ищете...

— Нет, — Елена Дмитриевна улыбнулась, — у меня нет собаки.

Мальчик перехватил щенка, прижав его к груди.

— Я уже на всех этажах спрашивал. Все говорят — не знаем.

— Значит, случайно он сюда забежал.

— Подождите, пожалуйста. — Мальчик поспешно шагнул вперед, испугавшись, что Елена Дмитриевна закроет перед ним дверь. — Подождите... — И голос его дрогнул, изменился. — А вы не хотели бы его взять себе? Раз у него нет хозяев...

Елена Дмитриевна почесала щенка за ухом.

— А какой он породы? Рыженький...

— Он без породы. — Мальчик обрадованно торопился сообщить все сведения о щенке, уверенный, что все они только щенку на пользу. — Я бы и сам его взял, но, — мальчик вздохнул, — но, сами понимаете, мама...

Елена Дмитриевна кивнула.

— Понимаю, — сказала она, — понимаю. Но мне не нужна собака. Мне и без собаки, знаешь... И не породистый он, вымахает в громадную дворнягу... Может, из соседей кто-нибудь...

— Может, из соседей. — Мальчик тоже улыбнулся ей в ответ. И вдруг как-то сразу повзрослел. Улыбка его стала насмешливой, недоброй. — До свидания, — и повернулся к Елене Дмитриевне спиной.

Елена Дмитриевна вернулась в комнату. Присела на табуретку, задумалась.

Пока мальчик разговаривал с Еленой Дмитриевной, щенок, казалось, внимательно слушал. Лапы его беспомощно и нелепо свисали вниз, уши-тряпочки опали, а глаза смотрели черной непроглядью зрачков жалко и вопросительно. Мальчик тоже только старался быть взрослым, но лицо его выражало что-то щенячье, беспомощное.

...Может, надо было взять того щенка?

Елена Дмитриевна поднялась, взглянула мельком в зеркало. Улыбнулась своему отражению, чуть приподняв уголки губ. Подошла к зеркалу вплотную, так что зеркальная поверхность затуманилась от ее дыхания. Вглядевшись. — Что, неужели нужна собака? Действительно, не пора ли заводить пса?

«А что, собственно, случилось?» — подумала она.

И повторила убежденно:

«Ничего не случилось. Ровным счетом ничего...» Собрала посуду на поднос, отнесла ее в кухню.

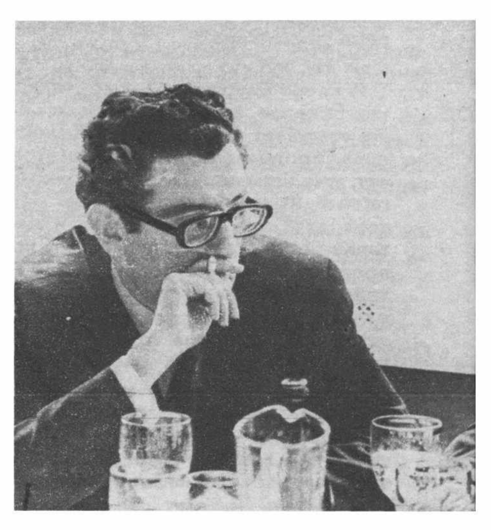
«У меня же все хорошо», — думала она.

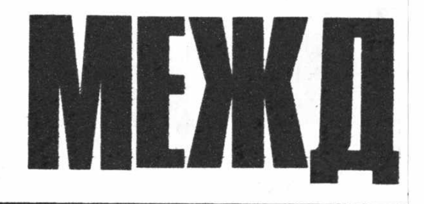
...У нее было все хорошо...

Н. ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент журнала «Огонек»

ДЕВ

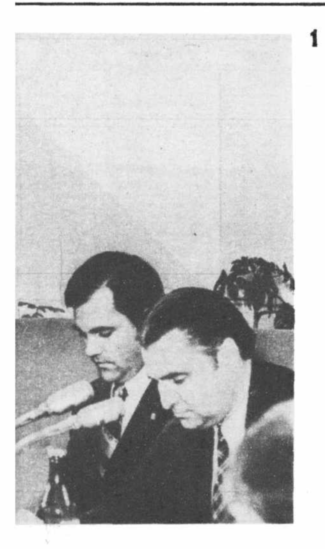

К Москве в эти дни с 22 по 30 мая было приковано внимание всего мира.

...В Кремле идут переговоры на высшем уровне. О том, как они проходили, об их итогах вещал во все уголки земного шара Международный пресс-центр, расположившийся в ультрасовременном стеклянном здании гостиницы «Интурист» на улице Горького. Здесь круглосуточно работали советские и 500 иностранных корреспондентов.

От них зависело очень многое — формирование мирового общественного мнения, информация об историческом советско-американском диалоге, комментарии.

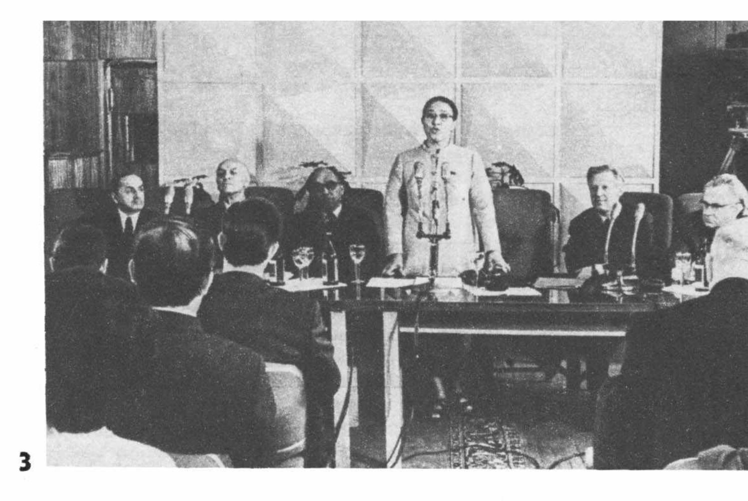
ЯТЬ ДНЕЙ

1

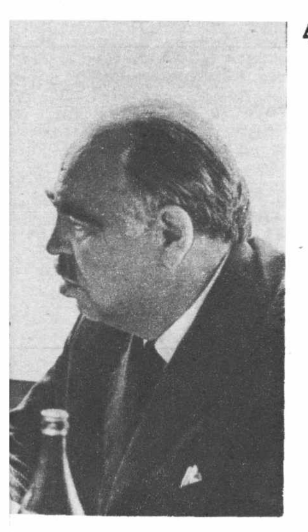
2

3

1. Выступает руководитель Международного пресс-центра Леонид Замятин. Направо от него секретарь Белого дома по вопросам печати Рональд Зиглер.

2. Политический обозреватель газеты «Правда» Юрий Жуков беседует с бывшим французским летчиком де Сегонзаком, который был сбит в 1944 году над фашистской Германией и освобожден советскими войсками из концлагеря. Последние 17 лет де Сегонзак работает корреспондентом «Франс суар» в Вашингтоне.

4

5

3. Пресс-конференция Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддиновой.

4. Политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио профессор Валентин Зорин беседует с корреспондентом американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл Генри Шапиро.

5. Идет брифинг...

Фото А. Гостева.

УНАРОДНОГО ПРЕСС-ЦЕНТРА

Буквально через час после приезда в Москву Президента США Ричарда М. Никсона пресс-центр в одно мгновение наполнился бурной жизнью. Десятки телефонных аппаратов, телексов соединились со столицами мира. На столах появились первые информационные бюллетени ТАСС, АПН, пресс-службы Белого дома. Встречи, знакомства, первый обмен мнениями...

Какие же именно в этот момент преобладали настроения среди корреспондентов? Прежде всего чувство большого ожидания. Только ветераны «холодной войны», «советологи» и «кремленологи» держались важно, всем своим видом показывая скептическое отношение к переговорам.

Шли дни. Одно за другим появлялись на свет советско-американские соглашения. Все более оптимистичным становился тон большинства репортажей из Москвы, и только «кремленологи» писали в прежнем духе, стараясь в каждой фразе документов найти невидимую и несуществующую брешь, лишь бы посеять сомнения.

Репродукторы разносят по залу призыв:

— Брифинг! (Информационная пресс-конференция.)

Такие объявления бывали утром, несколько раз днем, по вечерам и даже глубокой ночью. Брифинги проводили руководитель пресс-центра Леонид Замятин и секретарь Белого дома по вопросам печати Рональд Зиглер.

Поздно вечером 26 мая состоялся очередной брифинг. Леонид Замятин сделал следующее заявление:

— Сегодня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон подписали соглашение по одному из важнейших вопросов взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов Америки — соглашение об ограничении стратегических вооружений.

Эту новость тут же передали миру все телеграфные агентства. Советские и американские журналисты обменивались рукопожатиями, и только скептики ходили с растерянным видом. Но и они были вынуждены в своих отчетах отметить важную историческую роль этого соглашения.

...На одном из брифингов я познакомился с руководителем Вашингтонского бюро газеты «Детройт ньюс» Джорджем Кентера. В годы второй мировой

войны он служил в военно-воздушных силах США, бомбил военные объекты гитлеровской Германии. За месяц до победы его самолет был подбит, но Джордж попал в плен, находился в одном концлагере с советскими людьми, подружился с ними. Наша армия освободила Кентера. Он вспоминает об этом с чувством огромной благодарности и говорит:

— И вот спустя более чем четверть века я впервые сейчас в Советском Союзе. Я питаю чувства дружбы к вашему народу, хотя и придерживаюсь других идеологических убеждений. Важное, очень важное сегодня было подписано соглашение. В наших отношениях наступает новый этап. Через разоружение к миру. Сделан первый значительный шаг.

Итоговые документы московского диалога были опубликованы после отъезда Президента США Р. Никсона из Москвы. Степень взаимопонимания и согласия расширилась. Это осмысливает и обсуждает сейчас весь мир. Конечно, было бы чрезмерным оптимизмом считать, что все так быстро изменят свое отношение. Газета «Вашингтон пост» указывает в этой связи, что в США есть силы, которые не хотят отказываться от гонки вооружений. Представители правого американского крыла — сенатор Барри Голдуотер, Генри Джексон, Джеймс Бакли и член палаты представителей Джон Эшбрук открыто выразили свое отрицательное отношение к итогам московских переговоров, особенно к договору об ограничении стратегических вооружений.

Вместе с тем большинство думает иначе. И это — главное. Американский журналист Мерри Мардера передавал 27 мая из Международного пресс-центра:

— Соглашение, подписанное вчера вечером, совершенно не имеет прецедента в мировой истории и влечет за собой все не поддающиеся предсказанию перспективы и последствия смелого нового предприятия в международных отношениях.

Английский журналист Денис Хили:

— Сколько бы ни стонали в знак протеста динозавры «холодной войны», встреча в верхах в Москве знаменует собой коренное изменение. Тот факт, что сейчас они (СССР и США.— **Н. П.**) готовы добиваться военной безопасности путем сотрудничества, а не только путем противоборства, меняет весь характер международного положения.

Египетский журналист Мухаммед Абдель Монейн:

— Итоги советско-американских переговоров послужат делу смягчения напряженности на международной арене, делу мира и будут способствовать достижению соглашения о полном запрещении оружия массового уничтожения.

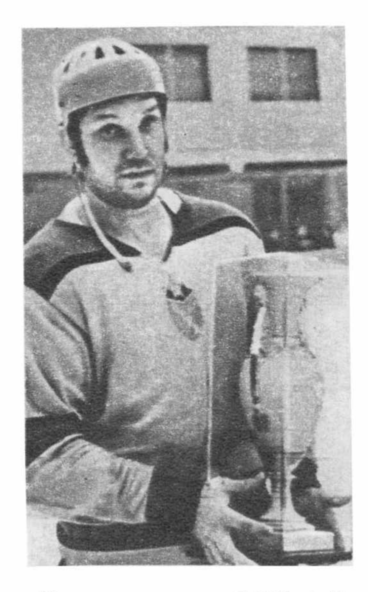
Иностранным журналистам, хотя их пребывание в Москве было коротким, все же удалось путем личных контактов, наблюдений и с помощью пресс-центра лучше узнать и понять нашу страну. Почти ежедневно для них устраивались пресс-конференции видных и компетентных советских представителей. Так, например, вице-президент Академии наук СССР М. Д. Миллионщиков рассказал корреспондентам о развитии советской науки, а заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике Д. М. Гвишиани — о научно-техническом прогрессе, о сотрудничестве с другими государствами в этой области. С настоящим и будущим советской столицы журналистов познакомил председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов.

Интересные и содержательные беседы с корреспондентами провели министр здравоохранения СССР Б. В. Петровский, министр культуры Е. А. Фурцева, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддинова, которая рассказала о решении в Советском Союзе национального вопроса на основе практического осуществления ленинской политики КПСС, политики равенства и дружбы народов. В этой пресс-конференции принимали участие заместитель председателя Парламентской группы СССР Л. Н. Толкунов, член Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Ю. И. Палецкис, доктор филологических наук, профессор Б. А. Бялик.

Интересную и полезную информацию записали в свои блокноты американские и другие иностранные корреспонденты. Прощаясь с ними, мы слышали много добрых слов в адрес гостеприимных москвичей, в адрес всего советского народа. Они остались довольны работой Международного пресс-центра, который позволил им молниеносно осуществить 2 300 телефонных разговоров с разными столицами мира, передать по телексу около трех тысяч листов с текстами репортажей и корреспонденций, пользоваться услугами чудесного бара, где они выпили 10 тысяч чашек кофе, не считая чая и других напитков...

В дневные и вечерние часы на улице Горького около гостиницы «Интурист» мы видели иностранных журналистов, беседовавших с москвичами разного возраста, разных профессий. С чувством достоинства и глубокой веры в справедливую политику нашей партии, нашего государства они отвечали на любые вопросы.

ПРОПИСКА КУБКА ТА ЖЕ

Капитан команды ЦСКА А. Рагулин с Кубком «Справедливой игры».

Фото А. Бочинина.

Фарфоровый Кубок «Справедливой игры», сделанный по заказу «Огонька» на Ломоносовском заводе, впервые разыгранный в прошлом сезоне, вернулся к своим владельцам, чемпионам СССР хоккеистам ЦСКА.

После последнего матча 26-го первенства СССР, в котором встретились армейцы Москвы и спартаковцы, был произведен окончательный подсчет, и нам осталось лишь вручить переходящий Кубок капитану команды ЦСКА А. Рагулину.

Как же определяется обладатель Кубка?

В течение всего хода чемпионата страны ведется учет штрафного времени каждой команды, числа забитых ею шайб. Эти два показателя и определяют победителя.

Армейцы Москвы в нынешнем сезоне просидели на скамье штрафников 280 минут. К этой цифре были приплюсованы 200 очков, а из образовавшейся суммы вычтены 202 забитые армейцами шайбы. В итоге они набрали наименьшее число баллов — 278. На втором месте, так же как и в прошлом году, остались армейцы Ленинграда — 281 балл. Разрыв всего в 3 балла — дистанция минимальная. И вот что интересно: так же как и в минувшем сезоне, борьба за Кубок обострилась буквально в последний момент. Во время своего последнего матча армейские хоккеисты умудрились просидеть на скамье штрафников 24 минуты, хоть эта игра уже не могла решить судьбы золотых медалей чемпионов страны. Наши лидеры, к сожалению, много раз допускали серьезные нарушения правил.

Будем же надеяться на то, что Кубок «Справедливой игры», этот рыцарский приз, в будущем будет способствовать рыцарскому поведению наших хоккеистов на ледяном поле.

ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУЖЕНИК

Памяти Александра Дейча

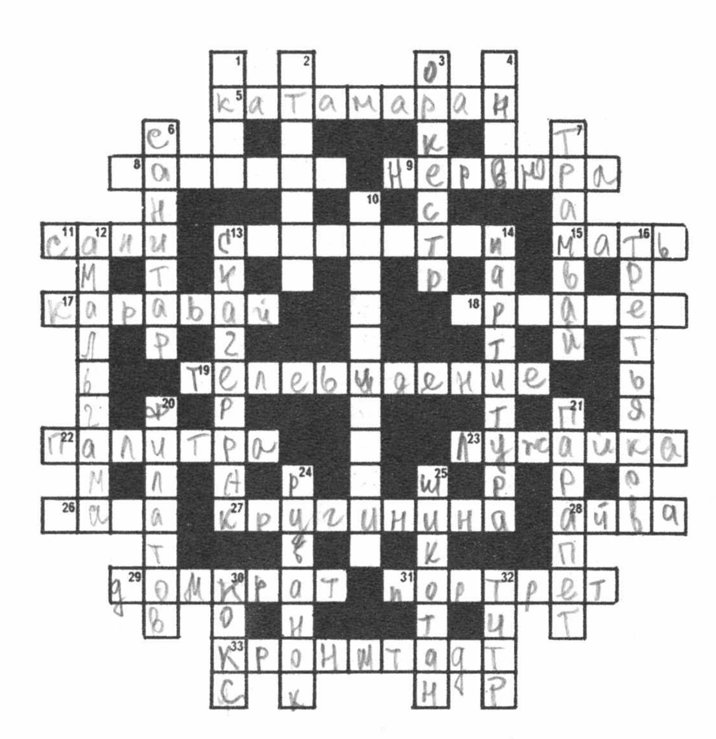
Умер Александр Иосифович Дейч, известный литературно-общественный деятель, талантливый писатель и критик, доктор филологических наук.

А. Дейч был литератором с необычайно широкими интересами. Он писал о творчестве русских, украинских, узбекских писателей, классиков и современников. Он был глубоким знатоком истории немецкой и французской литератур. Его живо интересовал театр: он написал несколько книг и множество статей об актерах, режиссерах, спектаклях. Перу А. Дейча принадлежат отличные переводы из английской, немецкой, украинской поэзии и драматургии. И при всем этом А. Дейч с юных лет был и всегда оставался активным журналистом (он активно сотрудничал в журнале «Огонек»).

Начал печататься А. Дейч еще в 1911 году. Через шесть лет молодой литератор и ученый радостно встретил Великий Октябрь и включился в революционную, пропагандистскую и просветительскую деятельность. Ему посчастливилось работать и дружить с А. Луначарским, встречаться с А. Барбюсом, П. Вайяном-Кутюрье, И. Бехером, Б. Брехтом, с другими мастерами социалистической культуры. Его близкими друзьями были М. Рыльский — с ним он написал книгу о Шевченко — и Айбек, в сотрудничестве с которым он создал книгу о Навои. Несколькими изданиями на разных языках вышли в свет повести А. Дейча о Г. Гейне («Гарри из Дюссельдорфа») и о Лесе Украинке («Ломикамень»). Широкую известность получили его исследования «Поэтический мир Гейне», «Судьбы поэтов» и другие, его мемуарные книги о писателях и о деятелях театра.

Александр Иосифович был тружеником поистине героическим: лишившись зрения за более чем двадцать лет до кончины, он никогда не прерывал своей работы. Ни возраст, ни болезни не могли остановить кипучую энергию этого прекрасного человека.

Ал. ДЫМШИЦ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Судно, имеющее два корпуса. 8. Литовский щипковый инструмент. 9. Элемент конструкции крыла самолета. 11. Зимняя повозка. 13. Копия типографского набора. 15. Роман М. Горького. 17. Круглый хлеб. 18. Метательное оружие. 19. Передача изображения на расстояние. 22. Дощечка для смешивания красок. 23. Небольшая поляна. 26. Серый попугай. 27. Персонаж комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 28. Южное плодовое дерево. 29. Грузоподъемный механизм. 31. Жанр изобразительного искусства. 33. Город в Ленинградской области.

По вертикали: 1. Плоскогорье на Алтае. 2. Зодиакальное созвездие. 3. Коллектив музыкантов. 4. Приток Десны. 6. Медицинский работник. 7. Городской транспорт. 10. Советский писатель. 12. Сплав металла с ртутью. 13. Пролив, соединяющий Балтийское море с Северным. 14. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 16. Основатель картинной галереи в Москве. 20. Русский хирург. 21. Ограда, перила вдоль моста, набережной. 24. Столярный инструмент. 25. Самый большой остров в Малой Курильской гряде. 30. Вид топлива. 32. Надпись в кинофильме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 7. «Светлана». 8. Ацетилен. 9. Навигация. 12. Кигали. 13. «Аврора». 14. Тарас. 16. Шпага. 17. Гавот. 18. Риель. 19. Бекар. 20. Уток. 22. Ашуг. 24. Почка. 27. Фуганок. 29. Самолет. 30. «Черевички». 31. Довженко. 32. Катарина.

По вертикали: 1. Алазани. 2. Бредина. 3. Овсяница. 4. Маринка. 5. Палатка. 6. Меркуров. 10. Самарканд. 11. Программа. 14. Тулуп. 15. Смета. 21. Таганрог. 23. Уключина. 25. Оттенок. 26. Кибитка. 28. Клеенка. 29. Секатор.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Александр Иванович Храмцов (справа) с заводскими друзьями Сергеем Печурицыным и Анатолием Кашеваровым на отдыхе (см. в номере репортаж «Манит неизведанное»).

Фото Э. Эттингера.

На последней странице обложки: Сцена из комедии-сказки «Чинчрака» в Центральном детском театре. Чинчрака — А. Хотченков, Лали, царевна,— И. Муравьева.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/V-72 г. А 00688. Подп. к печ. 6/VI-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1144. Заказ № 3004. Тираж 2 100 000 экз.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВСТРЕЧИ В ТАШКЕНТЕ

Н. ЗЫБИНА, Л. ШЕРСТЕННИКОВ

В течение десяти дней в столице Узбекистана проходил один из самых представительных форумов кино — Второй Международный кинофестиваль стран Азии и Африки.

Мы попросили народную артистку РСФСР кинорежиссера Юлию Ипполитовну СОЛНЦЕВУ поделиться своими впечатлениями о фестивале.

— Есть своя прелесть в неожиданных встречах. Так, для меня была неожиданной и увлекательной встреча с прошедшим киносмотром, особым своей непосредственностью, отсутствием официального конкурса и жюри... Ташкентский фестиваль не просто демонстрация кинопродукции Азии и Африки, это прежде всего широкий обмен мнениями, это атмосфера искреннего, дружеского взаимопонимания, которое обязательно рождает новый заряд творческой энергии, вызывает желание быть полезным друг другу...

Я часто бываю за рубежом, знакомлюсь с работами режиссеров разных стран мира. И я с большим вниманием слушала выступление японского журналиста Канеда Хидео на фестивальной дискуссии; он с горечью говорил о том, что подчас в современном японском кинематографе на потребу низменных вкусов и инстинктов создаются картины, переполненные жестокостью, извращениями, насилием, картины, парализующие у зрителя реальное ощущение действительности... Разумеется, в искусстве есть много способов увести человека от реальности в мир иллюзии, мир сказки. Но важно, какая при этом стоит перед художником цель, чему служит его бурная творческая фантазия...

Фо́рум в Ташкенте дал нам возможность впервые познакомиться с киноискусством молодой Республики Бангладеш. На фестивальном экране мы увидели потрясающий своей подлинностью кинодокумент — ленту «Остановить геноцид».

В картине «Взятое из жизни» замечательного режиссера Захира Райхана мысль о социальной революции, о необходимости и неизбежности борьбы за свободу и независимость проведена через интереснейший кинематографический прием: сочетание высокой публицистики с бытовой комедией. Мы знакомимся с жизнью одной семьи, и на фоне бытовой драмы талантливый художник решает тему борьбы за национальную независимость в смелой плакатной манере, с динамизмом подлинно революционной страсти. Стремительные монтажные превращения заставляют с неослабевающим вниманием следить за событиями, происходящими на экране.

Как жаль, что мы так мало знаем о творчестве этого талантливого режиссера и уже никогда не увидим его новых работ! Коммунист Захир Райхан погиб от руки наемника той самой деспотической власти, против которой столь горячо выступал во «Взятом из жизни». Здесь, на фестивале, мы познакомились с вдовой режиссера, актрисой Сучандрой Райхан, исполнительницей главной роли в фильме. Ее прекрасные, полные неизъяснимой печали глаза теплели, когда она принимала призы, которыми наградили кинематографистов Республики Бангладеш советские организации...

...Не знаю, был ли на свете тот корейский солдат, не расстававшийся и в бою со своей деревянной флейтой. И существовала ли на самом деле девочка, спасенная им от надругательства врагов; в устах этой ли девочки родилась прекрасная песня, на мелодии которой построена музыка фильма КНДР «Песня, которую пели на поле боя»... Всего вероятнее, что подарила нам мужественную и лирическую повесть о войне и любви творческая фантазия сценариста Ким Сер Юна и режиссера Мин Ден Сика. Но именно такой счастливой судьбы, какая сложилась у героя картины, достоин — утверждает фильм — тот, кто добывает свое счастье в героической и справедливой борьбе.

На фестивальном экране мы увидели работы прогрессивных режиссеров Японии Эйзо Сучава «Хор горожан», Мицуо Вакасуги «Девушки идут навстречу ветру».

В фильме Кинджи Фукасеку «Под знаменем восходящего солнца» неутешная вдова казненного солдата самурайской армии Катсюко Тогаши пронесла через тяжкие годы одиночества любовь и веру в любимого. Сейчас у нее одна цель — отыскать правду о гибели своего мужа. Перед нами проходят ужасающие картины трагедии, происшедшей в джунглях Новой Гвинеи. Тогаши восстает против издевательства озверевшего офицера-садиста и убивает его. Тогаши казнили. Но правда, которую нашла его жена,— свидетельство справедливого гнева и возмездия, самоотверженной борьбы со злом, которое несет людям война, борьбы тех, в чьих сердцах живет и пламенно горит огонь справедливости и человечности.

С добрым старым знакомым из Сенегала — режиссером и писателем Сембеном Усманом мы оказались соседями в автобусе. И сразу же завязалась дружеская беседа. Общим оказался не только французский язык, на котором мы говорили, совпали и впечатления от фестивальных картин.

...Ташкентский фестиваль породил много новых друзей, новых знакомств, но здесь же происходили и встречи старых товарищей. В один из последних вечеров в саду гостиницы «Ташкент» собралось своеобразное «землячество». За большой стол сели представители более сорока стран мира. И, что удивительно, почти все говорили по-русски! Это оказались бывшие студенты ВГИКа всех выпусков, начиная с 1936 года. Не забыты уроки ВГИКа, заветы учителей, дружба и участие товарищей. Не забыт и русский язык, который многим понадобился уже на своей земле: они переводят на родной язык произведения великих советских мастеров кино — Эйзенштейна и Довженко, Пудовкина и Кулешова...

* * *

Идеи, отраженные в лозунге фестиваля «За мир, социальный прогресс и свободу народов», проходят почти через все фильмы, показанные на фестивальном экране. Поэтому, вероятно, так единодушны были выступления деятелей кино, говоривших на творческой дискуссии о высоком призвании киноискусства служить делу мира, об обязанности художника бороться за идеалы гуманизма.

Добрый фестиваль в Ташкенте надолго останется в памяти его участников.

Айтурган Темирова (Киргизская ССР).

Дабо Абдуллай (Гвинея).

Дискуссия за круглым столом фестиваля.

Лаура Вартанян (Армянская ССР).

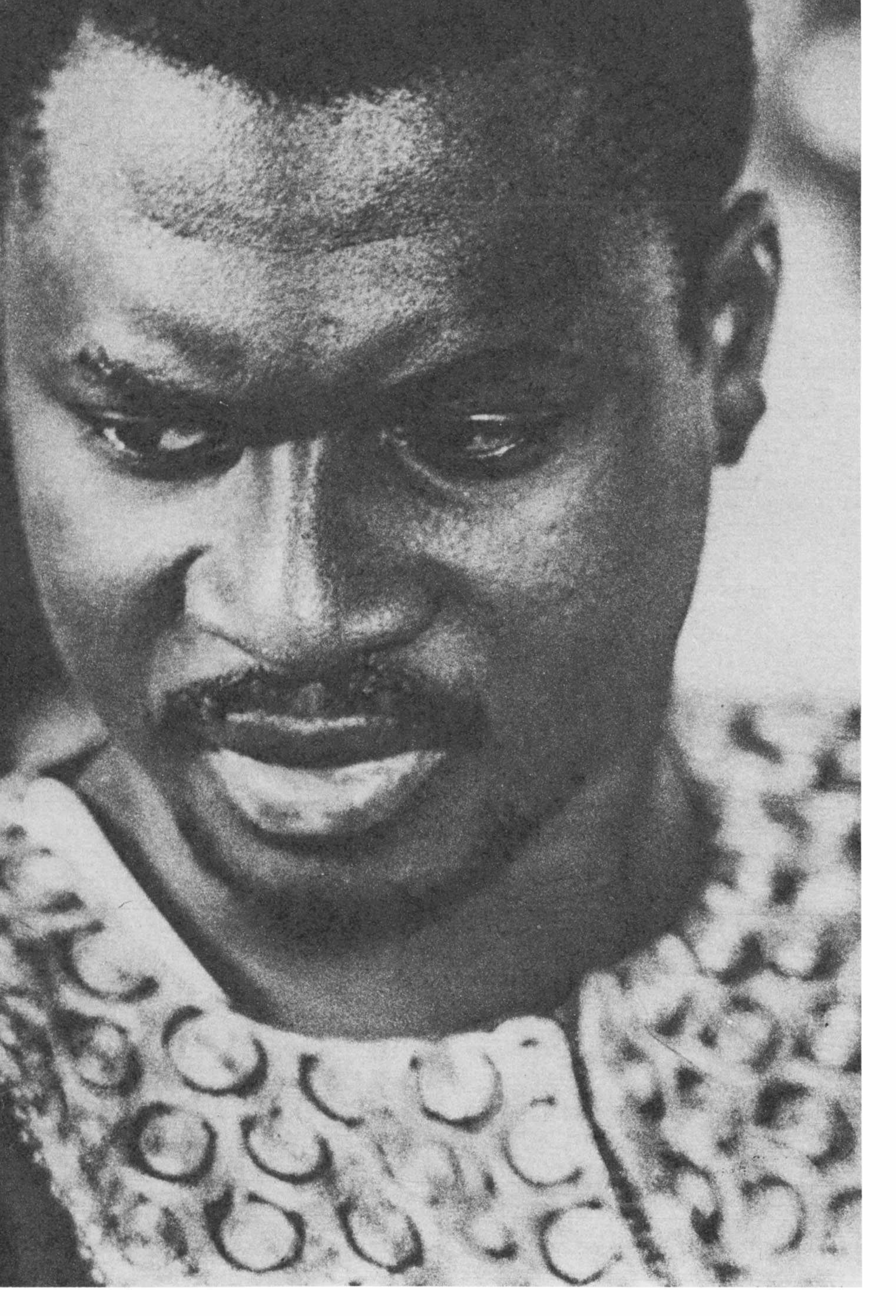

Сучандра Райхан (Бангладеш).

Бешари Хлифи (Тунис).

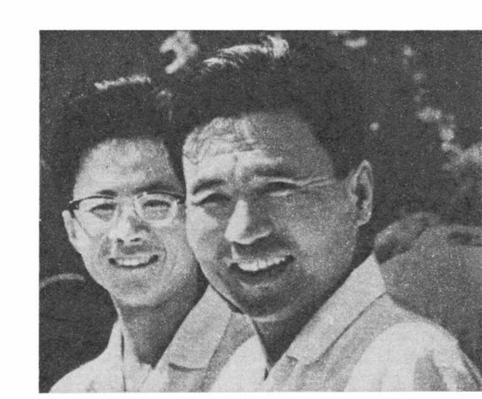
Сими Гаревал (Индия).

Киоко Цуда (Япония).

Выступает глава делегации Республики Южный Вьетнам Чыонг Тан.

Ким Гван Хек и Ким Се Ен (КНДР).

Кинематографисты из Нигерии Т. Абодерин и Т. Адебайо и египетская актриса Зубида Сайват.

Гостей кинофестиваля принимают в колхозе имени Ф. Энгельса, Самаркандской области.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663